

Галина Завьялова

КАЛЕЙДОСКОП

СТИХИ РАЗНЫХ ЛЕТ

1967-2022

Нефтекамск, 2022

ОБ АВТОРЕ

Галину Завьялову знаю давно, с советских времён. Знаю её как талантливую журналиста, компетентного редактора, активного общественного деятеля. И как замечательного человека! Очень рад выходу сборника её литературных и журналистских произведений. Давно пора, как говорится. Желаю ей крепкого здоровья и творческого вдохновения.

*Марсель Салимов,
народный писатель Башкортостана.*

Галина Сергеевна Завьялова – человек в Нефтекамске известный, она много лет руководила городской газетой «Красное знамя», неоднократно избиралась депутатом городского Совета. Её знают как строгого руководителя, принципиального журналиста, борца за справедливость. А для нас, журналистов «Красного знамени», она еще и мудрый наставник, настоящий учитель в профессии.

Этот сборник открывает еще одну её сущность – тонкого и ранимого поэта, который всё в этой жизни пропускает через своё сердце. Человека, для которого главные богатства души – это милосердие, любовь и доброта. Нежную женщину, чьё сердце изголодалось по рыцарству.

Когда-то, в далекие девяностые, при её поддержке и под её крылом в городе появилось литературное объединение «Поэтический Нефтекамск», увидели свет первые поэтические сборники нефтекамских поэтов. А вот к своему творчеству Галина Сергеевна всегда относилась по-редакторски строго, и этот сборник увидел свет только благодаря настойчивости её учеников, коллег по литературному творчеству и родных. Наш строгий редактор – ещё и очень скромный в жизни человек.

В сборник вошли не только стихи разных лет, но и проза - зарисовки, размышления.

Читатель, живущий в эпоху перемен, в переломные моменты истории, найдёт в этих произведениях много созвучного своим мыслям и чаяниям.

*Людмила Сабитова,
главный редактор газеты «Красное знамя».*

«МНЕ ЖИТЬ ДОВЕЛОСЬ...»

Мне жить довелось в это именно время:
Излом, поворот – тяжелейшее бремя.
Вчерашние лица стали личинами.
Горе с экранов льётся лавиной.
А лица детей?! – Непонятные лица.
В них солнце и тьма хотят совместиться,
Наивность, тоска и взрослая подлость –
Тигрѐнка с зайчишкой горячая помесь.
Лицо старика бороздит недоверие,
В любом молодом будто видит он зверя.
Обманут, унижен, к тому ж изувечен
Геройский солдат, «за Россию ответчик».
Мне жить довелось в это самое время,
Потеря друзей – тяжелейшее бремя...
Поверю я вдруг (и совсем без причины) –
Костѐр разгорится от чьей-то лучины.
Осветит вокруг непроглядную темень,
Природа воспрянет и лица изменит...
Мне кажется, что в толпе разноликой
Уж ходит тот Человек великий.

Сентябрь 1997 г.

РУСЬ МОЯ, РОДИНА

Не умею, как Рубцов, с тоски я пить,
Не угнаться в буйстве за Сережей,
Как же мне с такой печалью жить,
С той, которая на них обоих схожа?!

Нет во мне таланта. Их юдоль
Не грозит мне – слабая я, Боже,
Ну а как мне выразить ту боль,
От которой выл Рубцов, орал Сережа?

Стих мой – всё равно, что детский всхлип,
Причитание по-бабьи, ну так что же?
Может, кто услышит мой тоскливый вскрик
С плачем о Руси, с поэтами так схожий!

1990 г.

Отрывок из поэмы НЕ НЕКРАСОВА «А кому это на Руси да жить хорошо?»

(Н.В.Лёшиной посвящается)

Нина Валентиновна – осанистая женщина,
Красивая и умная, на вид... лет тридцати.
Французскому обучена. Готовить, шить умелица,
Да и в избу горящую ей запросто войти.
Весёлая и добрая, для всех она открытая,
Нрав кроткий, не задиристый, приятный для людей.
А вот, поди ж, сподобилось, не по своей хоть волюшке,
Лет десять, может, более в парторгане работать ей.
Оно, конечно, раньше работа-то почётная,
Почётная и важная считалась, вишь, она.
Не каждому по силушкам, да по уму, по разуму,
Не всякому иному была она дана.
Но наша-то, сердечная, о важности не думала,

А шла куда предложили, да шла куда пошлют.
Такое раньше правило бывало на Руси:
Ответственность, порядочность тогда ценились-си.
С зарёю на работушку шла Нина Валентиновна,
А вечером домой бежит, в семью, куда же ей?
Так и крутилась, милая, а что же ей прикажете –
Тому и груз поболее, кто бегаёт живей.
Там наверху, шумели всё, делили власть да денежки,
А ей, моей красавице, лишь доставался труд.
Шли к Нине Валентиновне кто за советом-помощью,
А кто и просто душеньку в беседе отведут.
Нееловы, гореловы, неурожайки всякие
Ей плакались в жилеточку, слёз удержать невмочь.
Кого жалела-слушала, кого журила строгонько,
Но всем старалась, в общем-то, хоть чем-нибудь помочь.
И так вот доработала без корысти и умысла
Честнёхонько, прямёхонько до самого конца.
А как пришли в мундирах-то, людишки те же самые,
В архив сдала бумаги все и ключик от дворца.
Дворец-то он для рифмочки. С домами новых русичей
Сравнить его – далёко не родня.
Да ладно уж, используют для стариков и немощных,
Дряхлеет вместе с ними он, тот дом, день ото дня.
Но ей-то что, родименькой, до нынешних властителей,
Палаты белокаменные ей не волнуют кровь.
Всегда жила скромнёхонько, всю жизнь была бюджетницей,
Пошла теперь учить детей – бюджетница и вновь.
Ах, Русь моя ты, родина, чего ж ты непонятная? –
Стремисься вроде к знаниям, к вершинам бытия.
Тому ж, кто эти знания, готов дарить без корысти,
Даёшь лишь дырку бублика да палку для битья.
«Шерше ля фам», - сказали бы французы остроумные
И правы, окаянные, легко же им болтать,
А ведь Россия-матушка терпением женским движется,
На Нине Валентиновне, ну, сколько ж ей стоять?!

Сентябрь 1996 г.

СОВРЕМЕННОКАМ

Поэты двадцать первого столетия,
Вы кажетесь безусыми юнцами
И не тягаться вам с отцами:
У них стихи войной заточены,
А потому слова так точны.
И поэтессы-современницы
С гримаской губ, слегка презрительной,
Вы так кокетливо пленительны,
Что вам прощается игра стихами.
А та девчушка в медсестринском звании
Презрительно лишь усмехалась пулям-нотам,
И карандаш источенный, с блокнотом
Оберегала как священное писание.
Она стихи писала своей Юности,
В бою обугленной и обожженной,
Но Верой чистою обожженной,
Любовью и Надеждой возрождённой.
Ах, дети двадцать первого столетия,
Компьютерно-смартфоновые головы,
Где ваша память и родословная?
Пришли вы из другого мира словно бы,
Чужими ветрами к нам занесённые,
Иваны никого непомнящие.

Ноябрь 2017 – апрель 2018 г.

ИРГИЗ-РЕКА...

Иргиз-река впадает в Волгу
У Криволучья широка,
В тот монастырь мы ходом долгим
Бредём паломниками издалека.

Как все в России изменилось:
И дурь, и святость в одномест,
Чудное место – божья милость,
А всех благих венчает крест.

(Монастырь в пяти-семи километрах от Криволучья Саратовской области. Существует с 1726 года. В советское время в нем была психиатрическая больница).

7 июля 2007 г.

***

Мосты горбатые, мосты,
Кресты столбов, бегут кресты,
Стальные нитки проводов
В окне вагона вместо снов.
Соседи наверху храпят
И даже проводницы спят.
Мальчишка хнычет у дверей,
Ему бы по нужде скорей,
Но мать уставшая сопит,
А поезд нас всё дальше мчит...

Октябрь 2001 г.

БЕРЁЗЫ ПОСЛЕ АБДУЛИНО...

Встречают весело нас из степей
Берёзки русские в Башкирии моей.
Горбушки «вкусные» холмов
И яркие ковры цветов.
Алеет мальва полевая,
Головкой радостно кивая...

Июль 2007 г.

***

Слышно, как дерутся кошки,
Пролетают вороны, каркая,
Я не где-то на бездорожье,
А в гостинице «Державная».

1999 г.

СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК. НАЧАЛО XX-го

Кто отдал талант России, –
Те святые, все святые.
Им взамен была Голгофа,
Да куда там?! Проще – вилы.
Так погибли миллионы.
Так погиб святой Вавилов.

Кто открыл талант России, –
Те святые, все святые.
Улюлюканье и свисты,
Шельмование их, странных.
В одиночестве зависли
Пастернак, Марина, Анна.

Птиц – на взлёте, иль в ловушки...
Клюев слышит звук расстрелов,
Хармс в Крестах исчез в психушке.
Мандельштам, Борис Корнилов –
Список мрачный, список длинный, –
Тагер Лена и Введенский,
Нарбут, Хлебников и Лившиц –
Тюрьмы, ссылки и аресты.

Цвет и краски балом правят,
Слово правды, слово чести
Не в чести, коль цветом разный:
Ах, ты белый?! Ах, ты красный?!
Вставай к стенке – будешь бледный.

Кто зарыл талант в России –
Не святые, не святые,
Лишь напуганные люди
Днями мрачными репрессий,
Наступившие на горло,
Зарождающейся песне.

2017 – январь 2018 г.

НЕПОГОДИЦА

Ещё не облетел с берёзы лист,
Ещё трава с проблеском изумруда,
Но вдруг разбойный раздаётся свист
И снежной ваты с неба валят груды.
Метель в гордыне надувает щёки,
В лицо плюётся пешеходам,
Машин заставила работать щётки,
Никто не ждал зимы прихода.
Но день – другой и, будто в горе,
Зима заплакала дождями
И снег растаял под ногами,
Мальчишкам, не оставив горки.
Нет, не таков мой первый снег:
Он нежно укрывает землю
И чистоту приносит вслед,
И Богу мир подлунный внемлет.
А этот белогривый Лев
Мгновенно обнажил берёзы,
Стихию предпослал как Божий гнев,
И рока знак, и будущие слёзы.

*19.10.2015
(перед кончиной
мужа Павла)*

РЫНОК

Солнце только взошло спозаранок,
Скучно двери подъездов хлопают,
Бич несвежий ёжится после пьянок,
Ребятишки сонные в садик топают.

А уж люстры висят на морозе,
Подвенечное платье болтается,
Шумно, как на одесском Привозе,
И с утра продавщицы лаются.

Наша жизнь превратилась в рынок
Кандидатов, поступков, тряпья.
И упали в него мы рылом,
Словно в грязную лужу свинья.

Но уж коль так случилось всё же,
Кто-то делает на нас навар,
Цени, народ, себя дороже
Как самый качественный товар.

Январь 1998 – март 1999 г.

***

В шикарном платье продавщица
Торговала квасом,
Её пушистые ресницы
Привлекали массы.
Кожа спелого ореха
В прорези глядела,
Кучка пацанов со смехом
Рядышком галдела...
Кудри, словно с вечеринки,
Ладненькие босоножки –
Тугие ремешки-резинки
Обтягивали ножки.

И была она как будто
Из другого мира,
А в руках её казалось –
Не квасная кружка – Лира.

2000 г.

***

Сейчас одеться - не проблема,
Лишь были б деньги да немного вкус.
Насыщен рынок до предела,
Нас проверяет на искус.

***

Похожая на учительницу
Шагала строго и легко.
И взглядом сквозь очки значительно
Устремлялась она далеко.

ГРАЧИ

Грачи готовятся к отлёту,
И в вышине тревожный грай,
Нелёгкая им предстоит работа –
Перелететь в далёкий край.

То сядут разом все на крышу,
Рядком, приладятся ко сну,
То с криком вдруг взметнутся выше,
Взорвав поутру тишину.

В полёте этом хаотичном
Казалось бы на взгляд простой,
Дана СВОБОДА каждой птице лично,
Пока вожак всех не поставит в строй.

2001 г.

***

Слепящий снег,
Стожки навоза,
Ядрёный запах лошадей.
Грачи кричат у перевоза
И не видать нигде людей.
Деревня, милая деревня,
Ты всё такая же, как встарь....
Во вновь отстроенную церковь
Зовёт Володя-пономарь.

1995-2022 г.

УТРО В ДЕРЕВНЕ

Просыпается деревня,
Петухи поют,
Сизый дым
над крышей древней
Создаёт уют.

Грустный пёс
Сидит на будке,
Цепь мешает убежать.
Пыльный трактор
ждёт побудки –
Тракторист запил опять.

Вот хозяйка за ворота
Тёлку провожает
И пастух хлыстом кого-то
Сердито «уважает».

Лето 1997 г.

В ДЕНЬ ПОБЕДЫ

На базар тащили люди
Сумки и пакеты,
А на площади гремели
Марши в День Победы.
Ветераны шли колонной,
Слёзы чуть скрывая...
А для рыночной торговли
Был день удачный мая.

Май 2009 г.

ПОСЛЕДНИЙ БОЙ

*Посвящается отцу
Жернакову Сергею Степановичу,
ветерану Великой Отечественной войны*

Между жизнью и смертью –
Человек родной,
Тихо шепчет: «Что со мной?
Может, ранен я войной?
Иль контужен круговертью
Боя тяжкого волной?»
– Что ты, папа, – и невольно
Отвожу свой взгляд, –
Та война прошла
Много лет назад,
А болезнь... отступит. Полежи пока.
Участковая приходит,
Но не врач полка.
– Правду, нет ли говоришь ты мне?
Наяву бой помню, не приснилось мне:
Я селенье Кириши защищал,
И комбат охрипший нам всё кричал,
– Продержитесь, братцы, ещё чуть-чуть,
И придёт на помощь нам кто-нибудь,
Уж зенитки долбят по «мессершмит»,

Да пехота вот что-то спит...»
Замолкает отец и от боли опускает взгляд,
Не кричит, не стонет – терпелив солдат,
Лишь испарина на лбу выдаёт.
Что болезнь в атаку вновь идёт.
Как помочь мне, чем утешить, поддержать?!
И хватаюсь за бинты, за вату я опять.
Словно с поля боя выношу –
Перевязку стомы* делаю, спешу.
Но неравный бой с болезнью
Мы ведём с отцом,
И темнеет, всё темнеет он лицом.
Бой за жизнь, последний бой идёт,
Нет зениток, и пехота не спасёт.
Раны, раны ветеранские кровят,
Словно снайперы по ним
С той войны палят.
...Между жизнью и смертью
Человек лежал родной...

1997 г.

*стома – послеоперационная рана

***

Не знали мы войны,
Так что же тогда разбиты, уничтожены,
Послевоенное поколение,
Без боя рухнувшее на колени.

***

Весёлый дом и яркий палисад –
В деревне тихой много лет назад.
И мама..., тазик возле ног с бельём:
Картинка детства, не заросшая бельём.

***

Прости меня, родная, ох, прости!
Прости, что в лихорадке буден
Я не смогла тебя спасти.
Моя вина меня ночами будит.

1994-1995 гг.

***

Холодные и снежные
Плывут по небу строем,
Узоры лепят нежные,
А то и замки строят.
Безмолвно, безмятежно
Плывут не первый век,
Облака бессмертные.
Лишь смертен человек.

17.05.1998 г.

СИНИЦА

Февраль. И день – суббота.
И режут слух хлопки:
Коврам бока зло кто-то
Бьёт наперегонки.
А за окном синица
Весной уже томится,
Стремясь перекричать
Хлопушек громких рать.
Но голос слабый тонет
В воинствующих звуках.
Синица словно стонет,
Весну рождает в муках.
Зовёт на помощь солнце,
Зовёт на помощь ветер...
Хлопки всё беспощадней,
Расставлены, как сети.
Звени, кричи, синица,
Во всю синичью мочь!
Тебе, весны предвестница,
Не в силах я помочь.

1990 г.

ДОРОГА

Транспортёрною лентой вьётся дорога,
Блики солнца с капотов встречных машин,
На ветру, за окном протрещала сорока,
Трасса, скорость и руль – это дело мужчин.

Перед формой ГАИ все «плывут» осторожно,
Проезжаем навытяжку в этом строю,
Но как только колёса минуют сторожку,
Словно шпорой в бока поддают все стальному коню.

У водителя, что же, такая работа:
Жми на газ, да гляди, не спи, не зевай.
Ну а нам, пассажирам, одна лишь забота –
Природы родной красоту замечай.

1997 г.

В СТАРОМ ПАРКЕ

По рыцарству изголодалось сердце,
По благородной и высокой речи...
...Давно угасли в замке свечи,
Лишь в старом парке листья шепчут:
«Мадам, у Вас усталые глаза!
Ах, дайте мне скорее руку,
Целуя пальцы, вашу скуку
Я прогоню. Да светится слеза!
Склоните голову мне на плечо,
Я Вас укрою от невзгоды.
Пусть чередою мчатся годы –
Вам жить любимой горячо!»
...Утихнет ветер, смолкнут листья:
И нет ни замка, ни свечей.
Лишь вкус придуманных речей
С насмешкою тревожит мысли.

1993 г.

МОЙ РОМАН

Читаю «вкусный» свой роман:
Средневековье, век тринадцатый.
Филипп иль Карл – король, тиран,
Развенчан будет в век пятнадцатый.
Ну а пока жизнь бьёт ключом –
Добро и злость, любовь и ненависть.
И чья-то жизнь под палачом
И рыцарь, взявшийся откуда невесть.
Но он спасёт, он смел и честен
И конь его не знает устали.
Она же верит, ждёт известий.
А путь его тернистым устлан.
Он разгадает зло, коварство,
Преодолеет все невзгоды,
Её в награду и полцарства
Получит... Сумрачные годы,
Но как светлы людей надежды,
Как ярки чувства – звёзды верности,
И современным вопреки невеждам
Без примеси самолюбивой ревности...
...Я отыскала свой роман: я там жила,
Ждала, молилась Богу, верила...

12.03.2013 г.

ГУСЛИ

Полетела стрела из лука, полетела,
Зазвенела, засвистела тетива, запела,
Душу воина плачем задела.
Удивился богатырь, изумился:
Чей же голос ему почудился?
Оглянулся вокруг – степь ковыльная,
И от конских ног тропы пыльные.
А вдали зелёная дубрава,
Дома ждёт его жена Любава.
Уж не голос ли её услышал он?
А быть может, это птичий стон?

В грудь попала стрела ворону,
Вместо злого сердца ворога.
Натянул богатырь тетиву опять,
Принялась она нежно-нежно звать:
«Ты любимый мой,
Жду скорей домой,
На руках держу твоего малыша,
Извелась уж вся по тебе душа».
Богатырь смущён, опустил свой взор,
Ведь Любавин он слышит разговор...
...После сечи-битвы кровавой
Снял доспехи воин кудрявый,
Со вниманием свой лук оглядел,
Тетиву осторожной рукой задел,
Заиграла она, запела,
Сердце воина плачем задела.
Натянул тогда он ещё струну
И запел богатырь про свою сторону.
Превратился лук в гусли звончатые,
Гусли звончатые, да яровчатые.
Не хотелось воину стрелять-убивать,
А хотелось гусяру жизнь воспевать.

23 мая 2006 г.

(посвящено гусяру

Любови Басурмановой).

***

В этом мире – всё противоборство:
Зло – Добро, порядочность и подлость –
Вечный спор извечных истин.
Но Добро не просит милости,
И у Зла не убывает хитрости.
А меж ними изнывает Искренность,
Старомодная в наш век, как выпренность,
В старой шляпке под вуалью,
И глаза кричат печалью.

1995 г.

ДВОЕ

- Я гибну, гибну!
– Отчего?!
– От нелюбви я погибаю!
– От нелюбви? Ещё чего!
Такого в жизни не бывает.
– Но гибну я,
Не видишь ты?!
– Да что ты, право, сочиняешь!
Займись-ка делом, ну... полей цветы,
А то всё в облаках витаешь.
– Цветы...? Их если не полить
Неделю, две – они завянут?
– Конечно, что тут говорить,
Коли «кота за хвост потянут».
– Вот видишь, и цветам нужна
Любви живительная влага.
– Поливка, ясно, что важна,
Любовь цветам же, как... корове блага.
– О, Боже, Боже! Как ты груб,
Слова ведь тоже убивают!
– Любовь – фантазия, мой друг.
Привычка лишь семью венчает.
– Вот оттого и гибну я –
Живём с тобою по привычке.
– Да что ты, милая моя,
Я – не о нас, вообще... – о смычке.
– Так значит, любишь ты меня?
Скажи о том же мне скорее.
– Ну-у, ты мне, словно бы... родня.
Сказать другое не сумею.
– Ах, как же скуп ты на слова!
А женщину они ведь греют.
– Слова – пустяк, но лишь дела,
Поступки – вот, что смысл имеет.
– Каков поступок будет твой,

Чтоб доказать любви значенье?
– Ох, это разговор пустой...
Давай-ка чай попьём с печеньем,
Фильм детективный поглядим
По телевизору цветному,
Мне лично здорово побыть
С тобой вдвоём, в уюте дома.
– Да-а, здорово... Нет, чай попей один,
а я пойду..., пожалуй, прогуляюсь.
– Ты что, обиделась? Ведь без причин!
– Нет, нет, я... просто прогуляюсь.
– Не обижайся на меня, тебя я, в общем, понимаю...
Надолго ль из дому уйдёшь?
– Надолго ль?! Я того не знаю!

2010-2011 гг.

***

Знаешь, я заскучала:
Что-то в жизни не так,
Может, просто устала
И в душе кавардак.
Может, просто на волю
Захотелось вдруг мне,
Подивиться бы в поле
Журавлям по весне.
Разорвать заколдованный
Круг житейских забот
И очистить бы сердце
От обид и невзгод.
Только сил не хватает
Встрепенуться, взлететь,
Для рывка слишком мало
Одного лишь «хотеть».

2003-2006 гг.

В ГОСТЯХ

Устала я от болтовни пустой,
Устала от бездушных песен,
Уют чужой квартиры тесен,
И хочется скорей домой.
Какое счастье помолчать,
Коснуться умных книг рукою
И фальшь речей омыть тоскою,
И с грустной думой поскучать.
Потом забыться и не вспомнить
Жестокую игру словес,
Руководит которой бес,
И пьяно пальцем в рюмке водит.
Но не забыться мне, вот мука:
В игре жестокой друг живёт,
Страдает, плачет и поёт,
Фальшивой песни вторя звукам.

1983 г.

***

Как будто пустяк:
Ну обидел друг друга,
Бестактность сказал,
Сказал, – не подумал.

Крушение мира?
Иль, может быть, дружбы?
Да нет, – всё на месте –
И дружба, и мир.

Но только чуть стало прохладнее солнце,
Но только чуть пасмурней стал этот день.
И скука скучнее вдруг стала на сердце,
Чуть менее доброй сама доброта.

И дружба чуть-чуть
 Стала менее нежной,
 Чуть менее пылкой,
 Чуть более злой.
 Как будто в горящий костёр тёмной ночью,
 который усталого путника греет, плеснули
 (нечаянно, не понарошку) воды из ведра.

ОГОНЬ НЕ ПОГАСНЕТ,

Но ровное пламя огня колыхнётся – и страшно становится в темени
 чёрной за этот костёр. Он единственно тёплый и яркий источник на
 этом нелёгком, на трудном пути.

29.07.1981 г.

СЕРДИТАЯ

«Служанкой быть мне, сударь, надоело!
 Хочу уехать срочно я!»
 «Уехать? Так езжай, в чём дело?»
 «Ах, так! Что ж, еду в дальние края!
 При расставанье ты, надеюсь, не заплачешь?!
 Чужие стали мы с тобой».
 «Коль будут слёзы, их не спрячешь...
 Но слёз не будет, не надейся на подарочек такой».
 «Ох, насмешил! Подарков я давно не получаю,
 И мне ль надеяться на них.
 Подумалось, ты скажешь: заскучаю
 Я без тебя. Но не дожидаться слов мне сих,
 Как не дожидаться слов любви и ласки,
 Прощенья слов и слов «прости»,
 Застывшие на лицах маски
 Уж не дано нам отскрести».

.....
 В тупик зашли мы, это ясно,
 Не возродить любви, коль умерла.
 Слова и монологи все напрасны.
 И с грустью скажешь: вот такие, брат, дела.

Август 2006 г.

СОНЕТ

Мне до Вас, как от земли до неба,
Расстоянье – мыслям не объять.
Может быть, приснились явью-небылью
Ваши руки, речи, взгляд?

Может быть, и не было даровано
Обещания ничем не огорчить?
...На столе спиралью чёрный провод,
Телефон, понурившись, молчит.

На вопросы срочно жду ответа я,
Телефон тревожу, кровь – в виски.
Неужели Вы о том не ведаете?!
...В трубке лишь короткие гудки

1985 г.

***

Я в море людском –
Одинокая лодка,
Судёнышко уютное
Без парусов
Штормит и качает
Совсем не от водки,
Лечу как машина,
Без тормозов
Давно бы вступить
На задумчивый берег,
Где тихо колышет
Ветер листвою.
Свой камень найти
Янтарный оберег.
И в чьё-то плечо
Уткнуться лицом

Весна 2006 г.

 «СНИМИТЕ ШЛЯПУ, ГОСПОДА...»

*На публикацию в журнале «Четвертая власть»
 Всем женщинам-редакторам
 посвящаю это шутивное стихотворение.*

Снимите шляпу, господа,
 Пред вами женщина-редактор:
 Не сердце – атомный реактор,
 Способно вынести вулкан проблем.

Снимите шляпу, господа!
 Душа растерзана на части,
 Но не в её сегодня власти
 Помочь нуждающимся всем.

С безумством умного паяца,
 Который так умел смеяться,
 Надеясь на свою лишь длань,
 Коня и трепетную лань,
 Несущихся куда-то вскачь.
 Она пытается в упряжку впрячь.

Пред вами женщина,
                                   святая
                                   простота.
 Снимите шляпу, господа!

1996 г.

АВТОПОРТРЕТ

Вся соткана из сомнений,
Как ковёр неумелой ткачихи,
Словно нитями паучихи
Опутан души портрет.
Написана зыбкими красками,
Как картина импрессиониста.
...Хитрым жестом иллюзиониста
Переношусь в кабриолет.
В длинном платье, по зелёной аллее
Правлю серой лошадкой в яблоках,
Запах липы и цветущей яблони
Манит вдаль меня, как магнит.
Вдруг очнусь и увижу публику,
Растеряюсь, укроюсь шляпкою,
Лишь взгляну из-под шляпки украдкою
Как лошадка других уж мчит.
Окажусь на обочине пыльной
В деловом тёмно-сером костюме.
Звук гигантской звенящей кастрюли
Оглушит меня в тот же миг.
Но найду я свою дорогу
И цветущий свой сад найду,
В окружении друзей, с благодарностью Богу
Лишь тогда я спокойно усну.

26.02.1998 г.

***

У сильных мира ничего не проси,
На силы свои лишь надейся.
До крови губы прикуси,
Коль больно будет, и... засмейся!

*(Конец декабря 1999 – начало января 2000 г.,
просила ссуду на покупку бумаги для газеты)*

ПАМЯТИ ГУЛЬНАЗ ТИМЕРБАЕВНЫ

На убывающей луне
она скончалась.
Гвоздики рдели на окне,
шёл снег печально.
И стало тихо. Боль ушла
последней ночью.
Недолгой жизнь её была,
поставив многоточья...
Подросток длинный и худой –
её тревога.
Недоумённый, сам не свой
бродил у гроба...
День этот в вечность улетел,
во вьюгу – замять,
А сын вдруг сразу повзрослел.
Осталась память.

15.02.2012 г.

МЫСЛИ ВСЛУХ

Всё очень обыденно просто,
За прозу в стихах пусть простят:
Я выбрала груз не по росту
И слышу, как кости хрустят.

***

Чужая рукопись лежит,
Щербатым слогом ухмыляется,
Незрелой мыслью похваляется,
Во мне редактора дразнит.

10.10.1995 г.

***

Ушла поэзия, махнув рукой,
Ловлю её печальный взгляд.
И нерифмованной строкой
Деревья в инее стоят.

09.02.1999 г.

***

Почему не пишутся стихи?
Я того не понимаю.
Виновата ли погода в мае,
Иль держат непрощённые грехи?

26.05.1999 г. (вторник)

ОДУВАНЧИКИ...

Одуванчики головки распушили
И готовы хоть сейчас взлететь,
Вот опять до лета мы дожили,
Не успев весну порассмотреть.

***

Внутри как будто съёжилось,
чего-то ожидая,
И словно занеможилось.
Погода, что ль такая?!

***

Себя не вздумай заставлять
Писать для рифмы совершенной
Коль миру нечего сказать –
Пустым стих будет непременно.

1996 г.

КОЛЛЕГАМ РЕДАКТОРАМ

На асфальте Дюртиюлинской трассы,
У развилки двух дорог,
Пообщались мы, коллеги, классно,
Выпив по сто грамм «на посошок».

Шашлыки тут были кстати,
И закуска на капоте «Волги»,
Речь толкнул редактор Сафич статный,
Помнить эту встречу буду долго.

Впрочем, каждый что-нибудь припомнит
Из короткой, набегу «обмывке»,
Свежий воздух лесом был наполнен
И блестели «жигулей» обшивки.

А водители тактично сели
Тесным кругом шоферским в сторонке.
Те минуты быстро пролетели,
Бой часов отметил время звонко.

И красивые теперь висят на стенке,
Музыкою отбивая каждый час.
Перед дружбою склоняюсь на коленки,
Вспоминаю и люблю, коллеги, вас!

Сентябрь 1997 г.

КОЛЛЕГАМ «Красного знамени»

Мы живём для того, чтоб работать –
Увы, истина наших дней.
Без работы смысла не видим,
Без работы нам было б грустней.
Солнце ль, дождь, иль иная картина,
На работу мы бодро идём,
Оставляя детей и квартиры,

На работе мы с вами живём.
Вам, коллеги, свой стих посвящаю,
Чуть смущаясь корявости стиха,
Но зато от души вам признаюсь:
Для меня вы все словно родные.
И хочу пожелать вам здоровья,
И поменьше о чём-то тужить,
А ещё я желаю, не скрою,
Чтоб работали мы, чтобы жить.

К семинару журналистов

Старинный Бирск – не в яблочном цвету,
Холодный май лишь объявил аврал,
Но Бирску птицы предвещают теплоту,
Коль журналистов цвет он у себя собрал.

15.05.1998 г.

ПО ДЕБРЯМ ВНУТРЕННЕГО МИРА...

По дебрям внутреннего мира
Брожу сомнамбулой безтелой,
Хотя хожу я по квартире,
Домашним занимаясь делом.

***

Я больше понимаю тех, кого уж нет,
Печальный взгляд их издалёка,
Последний жалостный привет
И вздох последний у порога.

А тех, кто рядом, кто живёт,
Себе, другим ломает шею,
Чтобы набить тугой живот, -
Вот тех понять я не сумею.

***

Не зли других, сама не злись,
Мы гости в этом бренном мире.
А если что не так, смирись,
Будь поумнее, улыбнись.
Холодной думай головой,
Ведь в мире всё закономерно:
Зло, излучённое тобой,
К тебе вернётся непременно.

1990-1998 гг.

БЕССОННИЦА

Бессонница, увы, строк не рождает,
Тягучих мыслей рой лишь провожает
В тьму тихого окна, на холод,
И с сердцем маята, да голод:

Глаза пустые голодают сном,
Голодный лист белеет ртом унылым,
Дом кажется таким постылым,
И сил нет думать об ином.

Под утро потушу лишь свет,
Покорные закрою очи,
И буду ждать остаток ночи,
Как смертник в камере – рассвет.

БОЛЕЗНЬ

Откуда, откуда, откуда
Обида такая взялась?
Повсюду, повсюду, повсюду
Мерещится чёрная грязь.

Обидное слово супруга,
Обиден поступок друзей –
Уходят походкой упругой,
Ах, им без меня веселей!

Всё - то же, но словно другое,
Как туча на солнце зашла,
И нет уже сердцу покоя –
В нём мало добра, много зла.

Скопились чернила обиды
За множество прожитых лет
И вылились. Стенка пробита,
Забрызган белый жакет.

Обида, обида, обида
Откуда такая опять?
Как петлею, горло обвито,
И нет уже силы дышать.

С надсадою лёгкие рвутся,
Грудь в лающем кашле хрипит...
А врач с медсестрой равнодушной
Диагноз поставят: БРОНХИТ!

Ноябрь 1997г.

***

Волною фиолетовой цикорий
Уже накрыл обочины дорог.
Польный воздух сладостен и горек
И горек мыслей фиолетовый веноч.

О чём грущу, сама не знаю,
Но грусть подруга – камертон у Леры.
То ль о несбыточном мечтаю,
Иль мучаюсь несовершенством мира?!

Август 2004 г.

***

Грусть – неразлучная подруга,
Всегда находится со мной.
И не найти вернее друга
Ни под Солнцем, ни под Луной.

1995-1996 г.

ДЕКАБРЬ 1996-го

На улице английская погода -
За три шага в тумане не видать,
Хотя декабрь – верхушка года,
Но снега нынче не дождётся, знать.
Год високосный, год тяжёлый
Природа дурью маяться устала.
Но, словно демон, злобно-развесёлый,
С земли озябшей сдёрнул покрывало.
Как хочется
Глазам – просвета,
Душе – надежды,
А тропинкам – снега.

*Декабрь 1996 г.
(болезнь папы)*

ПРЕДЗИМЬЕ

Принарядил деревья иней,
Тропинки чуть припорошил,
Заборы кружевом закинул
И грязь осеннюю закрыл.

Природа, словно усмехнулась,
Умывшись ледяной водой.
Как «морж» в купели окунулась
И стала снова молодой.

Ноябрь 1997 г.

***

Не умею «красиво» жить
И гостей принимать с размахом,
Лишь умею верно дружить,
И за дружбу идти на плаху.

1998 г.

***

Загнала себя в клетку
Из мыслей и снов,
Из долга, ответственности,
услужения.
Любви в ней нет места,
Ушла любовь.
В клетке ей тесно.
Какие сомнения?

***

Слагаю я фразы,
Строка за строкой,
Убогой рифме потворствуя,
Но что происходит с моею душой
Лишь Богу скажу, не притворствуя.

Август 2006 г.

РАЗЪЕДИНЕНИЕ

Моя душа горчит на вкус,
Я знаю это точно:
Испробовала её вкус,
Когда она влетела ночью.

Влетела в тело, впопыхах
Едва успев внедриться,
Витая в облачных мирах,
Не углядела, что уж мне не спится.

Мой рот зажат был, и она
Протиснулась сквозь зубы.

И сразу горькая волна
Мне ощутилась грубо.

Я к ней с упрёком: «Что же ты
Летаешь, где попало,
Ещё секунда и, считай, «кранты» –
Ты в тело б не попала.

Не в первый раз прошу – не лазь
В заоблачные дебри.
И хватит собирать людскую грязь,
Уж полосатая, как зебра.

И знаешь, милая душа,
Что свинство оставлять так тело,
У нас с тобой дел «до шиша»,
Кем будем мы с тобой без дела?».

Она тихонько улеглась,
Слегка ворча при этом,
Мол, про какую это грязь
Ты говоришь поэту?

А что летаю я туда,
В заоблачную высь,
Так чтобы к нам не шла беда,
Чтоб не сломала жизнь.

Вот так поспорили мы с ней
Не слышно, чуть дыша:
Ум, тело ли важней,
Или сама душа?

Потом, уняв немного злость,
Мы встали с ней натужно
И выпили таблеток горсть
И кофе пили дружно.

2000-2001 гг.

***

Мечтаешь прикоснуться к вечности?
Дерзни! И непонятной стань,
И стань ранимой.
Будь до конца неповторимой,
И будни поменяй на дни.
Ты хочешь прикоснуться к вечности?
Твори! Рискни!
Но что тебя там ждёт за поворотом?
Возможно, славою овеянные дни,
А может, те же будни серые... до рвоты.
Ноябрь 1999 г.

***

Мысли, мысли – разные они,
Мысли не дают покоя.
В яркие одежды рядятся одни,
А другие тёмным цветом беспокоят.
Январь 1998 г.

***

О, эта рутина, рутина
Дней серых унылых, унылых,
Дел обязательных наросты.
Наращиваешь на душе коросты,
Их соскрести стихом непросто.
1998 г.

ТАВТОГРАММА

Мысль, мысль мучает меня,
Малодушная – «мементо мори»,
Милой меланхолией маня,
Музыкальною мечтою моря.
2005 г.

***

Сколько их, не родившихся строф,
Отдано гению злomu – Спешке.
Вместо прекрасных детей-стихов –
Лишь намеченные вешки.

Август 1997 г.

***

Мои думы остались со мной
Тяжким грузом несказанных слов,
Лишь рождaют ночною порой
Вязь тягучих, причудливых снов.

1998 г.

***

Я сошла с орбиты,
Я сошла с ума.
Двери все закрыты –
Выбрала сама.
С орбиты на орбиту
Нелёгким будет путь,
Но знаю, что от старых
Освобожусь я пут.
«Ведь это же дорога,
Дорога в никуда...», –
Я слышу голос строгий:
«Не юные ж года!»
То вниз, то вверх взлетаю,
Свою ищу звезду.
Порой сама не знаю,
Её я всё ж найду ль?

Март 2004 г.

***

Я у жизни земной ученица.
Повзрослеть, видно, мне не судьба,
Только что исписала страницу,
Новый лист уж белеет с утра.
Белый лист,
заполняю с усилием строчки:
Эта азбука мне незнакома опять.
Не ленись, ученица, не ставь многоточия,
Новый день, белый лист – завтра будут опять...

***

С душою что-то происходит,
Душа покоя не находит,
Другая равнодушная душа
По жизни бродит не спеша.

***

В апреле – зимняя погода,
Морозный солнечный денёк.
Ты что-то спугала, природа,
И под ногой хрустит снежок.

***

Сложила руки и сижу,
Да жду чего-то у погоды,
Да молча костерю невзгоды
И взгляд туманный навожу
На мелочь суетного быта.
Казалось бы, уж много бита,
Но словно тянут за вожжу
Привязанную нить надежды.

С упрямством дикого невежды
Всё жду чего-то и... сижу.

Ноябрь 1981 г.

ПРО СТАРОСТЬ

Приходит старость не в морщинах,
Не прядями седых волос.
Приходит мыслями сонливыми,
Желанием упрятать нос,
Свернувшись кошачьим клубочком,
Дремотой среди бела дня.
Как будто бы по капле бочку
Вольют снотворного в меня.
Вдруг телефона трель звенящая
Струёй холодной за ворот...
И голос в трубке: строгий, вящий,
Во мне он словно б чует вора.
Воришку времени у возраста,
Сонливого транжира дней
И строже станет вдвое голос тот,
Поднимет в трубке канитель...
Ворчливый голос и колючий
Покажется мне чудной песней
И стану я на миг могучей,
И сброшу старческую плесень.

КОЛЬ НЕ СТАНЕТ МЕНЯ...

Коль не станет меня, – помолчите,
Слов не надо фальшивых. К чему?
Лишь плотнее уста сомкните,
Я молчание ваше пойму.
Лучше рядом постоит, поплачьте,
И припомните всё, чем была.
Слёзы слишком польются, не прячьте –
Боль в слезах не так тяжела.
А не будет слёз – и не надо,
Не касайтесь сухих глаз платком,
Ваша искренность будет наградой
За земную мою жизнь... потом.
Да, потом, когда в ярком полёте
Я увижу себя и вас,

И душа на последнем взлёте
Всех обнимет в последний час.

Январь 1998 г.

***

Как жизнь коротка,
Как недолог наш век
На этой прекрасной
И грешной земле.
Ну, что же тогда,
Дорогой человек,
Ты ходишь в обнимку
Со злобой во мгле?
Расправь свои плечи,
Глаза подними,
Ладони раскрой свои солнцу,
Чувства недобрые
В сердце уйми,
И счастье заглянет в оконце.

Осень 1997 г.

НОКТЮРН

Осенний день. Осенняя аллея –
Она чиста, как девичья светлица.
Светлы прохожих тоже лица,
И, кажется, – от красоты немеют.

Чудесный миг. Природы суть,
Последний шаг её к концу,
Но, словно бы невеста ко венцу,
Она срягается пред тем, как ей уснуть.

Есть старческая мудрость в тишине
Деревьев, дремлющих печально,
Как будто знают изначально,
Что предначертано судьбою им и мне.

1995 г.

БЕЗ ФИЛОСОФИИ

Сугубо прозаические мысли
Роились утром в голове,
И вовсе не над жизни смыслом
Задуматься хотелось мне:
«...Болеет внук. Врача бы надо,
...И на работе – полный крах,
Заботы..., никакой отрады...
И привкус гари на губах.
(Горит ли что-то, иль печёнка
вдруг расшалилась заодно?)
...И как помочь моей девчонке –
В семье нет лада уж давно».
Так думалось мне горько, нудно,
И светлomu в душе не находилось ниши,
Понуро шла я на работу утром...,
Но вдруг мой взгляд скользнул чуть выше –
И солнца диск, оранжевый и яркий,
На синем небе так прекрасно жгуч,
Плеснул в глаза мне радостно и жарко,
И в мысли мрачные вонзил свой луч.
Он прокричал мне, глупой и сварливой:
«Живёшь ты, дышишь – этому ль не рада?!»
И, по щеке скользнув игриво,
Синичек стайку поднял рядом.
Легко взлетев, груз скинув вроде,
Лучом укывшись, как рубахой,
Сюиту жизни, гимн природе
Защебетали эти птахи.
И ноги стали почему-то
Вдруг много легче, руки уж не висли...
Такое было вот то утро –
Совсем без философских мыслей.

Март 1999 г.

БЫТ

И снова грязная посуда,
Опять не стирано бельё,
И пыль всегдашняя повсюду –
Моё семейное жильё.

Сизифов труд неблагодарный,
Как белка крутишь колесо.
И о судьбе неординарной
Лишь ночью видишь сладкий сон.

А утром снова те же стены,
Забот всё тех же вереница,
И завтрак, нервный неизменно,
Детей издёрганные лица.

О том, что женщина, ты вспомнишь,
В зеркало, глянув на минутку,
Взмахнёшь расчёскою и вздрогнешь,
Играет время злую шутку.

Но некогда остановиться,
Сизифов плащ надену споро
И, вскинув мокрые ресницы,
Качу свой камень снова в гору.

1990-1991 гг.

***

В молочной туманности утра
Луна полноликая стонет,
Не хочет владычица ночи
Тускнеть под лучами светила,
Что нежится сладко в постели.

1995 г.

***

Ах, если б слабый голос мой
Мог влиться в общий хор Искусства
И не нарушил бы его,
Лишь внёс свой свежий чистый звук,
Считала б я, что жизнь моя
Была дана мне не напрасно.
И если слабый голос мой
Вольётся всё же в хор Искусства,
Свою судьбу считала б я
Тогда счастливейшей из судеб.

«ДЕКАБРИСТ»

*(так называется в народе комнатное цветущее растение
Зигокактус усеченный, или Рипсалидопсис Гартнера)*

Скажи мне, друг,
Что грустно так
Нам стало жить
На этом свете?

Метель за окнами
Беснуется и злобно воеет,
И всё живое погубить
Намерена как будто.
Послушать злобный скрежет,
Так, пожалуй, поверишь,
Что в мире этом
Вовсе не было цветов.

Поверила бы в это я, возможно,
Когда б на подоконнике,
В холодной комнате моей
Не видела живой пример:
Непышно, тихо
Растение стоит,
Но упорно выпускает
Цветы свои. Как маленькие

Огненные копья, направленные
В злобную метель.
И я не верю,
Что метель погубит
Всю зелень мира,
Нет, конечно.

Но грустно оттого, что копья эти
Так беззащитны
В комнате холодной...

Им бы тепла немного...

(Кабинет секретарши РГТИ) 1980-1981 гг.

ПРО «ОХ!»

Заговорила женщина в ней, заговорила,
Заголосила жалобно, да заскулила:
«Никто не любит, ох-ох, никто не ценит.
Как тяжелы мне эти семейные цепи!
Ох, как устала я мыть кастрюльки,
Хочу я праздника да на танцуюльки.
Хочу я рыцаря, чтоб с серенадою...»
А муж столбом стоит: «Чего ей надо-то?
Всё есть у нас, и дом как дом,
И мирно в нём, и тихо в нём.
Чего неймётся бабе чудной?
Ох, надоели мне её причуды!
Не бью, и словом ведь не обижу,
И пью не так уж...Причин не вижу
Я для таких её стенаний,
Чего возводит стену меж нами?
Как горько это, не любит, видно.
И мне, мужчине, ох, как обидно!»
Ну, что сказать вам, что придумать, как утешить?
Жизнь пролетит, где быстрым шагом,
где неспешным.

Мы все окажемся у той межи,
Где эти горести уж станут не важны.
А будет важно, что за человек
Мир этот бренный покидает, ох! навек.
Неважно – женщина ли это, иль мужчина.
А важно, чтоб оставил сына,
Иль дочку – продолжение ветвей,
И деревце, и книгу, и друзей,
Воспоминанье доброе у тех людей,
Что были нам при жизни всех родней...

***

Из пепла любовь возродить хочу,
По двойным счетам уж давно плачу.
А долги мои всё растут и растут.
Понимаю, – душу разорения ждут.
Понимаю, пеплом лишь голову посыпают,
Понимаю, но вновь с мечтой
о несбыточном засыпаю.
А, проснувшись, костёр опять раздуваю.
Пепел медленно разлетает,
Там, под ним, огоньки мелькают.
Но раздуть их в пламя сил не хватает.

ИЗ СТАРОГО

Хочу идти пружинистой походкой
Прохладу утра полностью испив,
Хочу, чтобы размашисто и ходко
Шёл рядом друг, усмешлив и плечист.
Какое счастье так идти вдвоём,
Не ведая забот, и грусти, и печали,
Которые уж после нас венчали
И делали скучнейшими притом.
Какое счастье чувствовать в себе
Избыток свежей юной силы...

Как быстро жизнь всё уносила,
И лень, и дряхлость шли взамен.
Ах, как не ценим мы пружинистых походок
И не умеем счастливо дышать.
Об этом вспомним только через годы,
Затем, чтоб горько повздыхать.

***

Дни последние уходят
На моём земном веку,
Что осилить не успела,
Уж осилить не смогу.

***

Март приморозил к Женскому дню,
Словно Весна в ожиданье застыла,
Вот-вот проснётся девичья сила,
Вот-вот покажет нежность свою.
Но призадумалась... Ветви-ресницы
Чуть приспущены, в снег утопают,
Словно раздумывает, не понимает:
Стоит ломать ли снега лавину?!
Милые дамы, и мы в ожидании
Мужских поздравлений, горячих признаний...
Праздник-обманщик ослабил вдруг силу,
И нам захотелось быть слабыми, милыми...

7 марта 1997 г., пятница

ДОЖДЛИВЫЙ АВГУСТ

Какая скучная погода,
Дождливый август веет грусть.
Открою зонтик у порога,
Пустынной улицей пройдуся.

Бреду по лужицам лениво,
Сверну теперь за поворот,
В зонт дождик бьёт неторопливо,
Играет медленный фокстрот.

Куда иду, сама не знаю,
Никто меня нигде не ждёт,
Я просто под зонтом гуляю
И тихо-тихо дождик льёт.

Август 2006 г.

ОСЕННИЙ СЕРПАНТИН

Первый снег накрыл шафраны,
Но подобны солнышку, они
Снег не ждали осенью так рано,
И беспечно, радостно цвели.

Снег игривый был недолог,
Зиму лишь пообещал,
Но когда растаял белый полог,
Сад цветущий обнищал.

Так и мы, подобные шафранам,
Финиш жизни приближаем рано.

Октябрь 1995 г.

***

Одолела осень! О!
Отчего, отчего
Опечалены облака,
Одурманены, отуманены
Окаемов окалины!

СТИХИ НИ О ЧЁМ

Листва промокла под дождём
И пахнет черносливом,
Осенним днём, осенним днём,
Осенним днём унылым.

Аллеи сумрачный проём,
Людей спешащих лица.
Осенним днём, осенним днём
Дождь по щекам струится.

Как параллельно мы идём –
Грусть сердца, грусть аллеи.
Осенним днём, осенним днём,
Наверное, навеяны.

Ноябрь 1995 г.

«КАК СНЕГ УЖ СЕЛ...»

Как снег уж сел. Ещё вчера
Сугробы мнились вечным пленом
И мир казался неизменным,
И долгой зимняя пора.

Как постарел тот человек.
Недавно так дразняще-молод,
Он шёл по жизни словно молох,
Но как неожиданно минул век...

1997 г.

НОСТАЛЬГИЯ ПО ДЕТСТВУ

Фаина, Фаина – подруженька детства,
Неужто тебе уже пятьдесят?!
Ах, где бы найти такое нам средство,
Чтоб годы на миг повернуть назад?
Увидеть себя на плотках, возле речки,
О чём-то щебечущими без забот,
Услышать бы говор наш, просторечный,
Каким изъяснялся в деревне народ.
А после бы спеть чуть печальную песню,
В два голоса – сердце зашемит вдруг,
Почувствовать, как хорошо быть вместе,
Как здорово, если рядом друг.
А то пробежаться по тёплой горушке
Босыми ногами по мягкой траве.
И «батьку» гонять, в руках по две «чушки»,
Азартом зажечь даже взрослых в селе.
Какое содружество «стран» добровольное,
Империя детства: «США – ФРГ».
Под небом огромным влюблённые, вольные
Мы чувства свои проверяли уже.
И кто б догадался, под буквами этими
Скрывали всего лишь свои имена.

Как годы прошли, мы того не заметили,
Но помним с тобою мы те времена.
Нас солнышко грело как будто бы жарче,
И небо над нами было синей,
Трава зеленей, мир красивей и ярче.
Любили и плакали в детстве сильней.

Июль 1998 г.

***

«Не вырваться из лап Вам быта!», –
Рекла святая Лизавета.
И так моя судьба была открыта
И гордым жестом припечатана
«Нет, нет!»

И я трясущейся студенткой,
Чуть-чуть не сдавшей на пятёрку,
За бытом оказалась, как за стенкой,
И быт мне изменил всю жизнь...

ОЙ, ПОЛЫНЬ-ТРАВА

Ой, полынь, полынь-трава,
Полынь-трава ты горькая,
Одурманил запах твой
Голову мне гордую.
Одурманил, опьянил
В минуточку рассветную,
И куда-то поманил,
Поманил в даль светлую.
И всего-то лишь на миг
Закружил головушку,
Грустью сладкою настиг,
Словно песнь соловушки.

Июль 1999 г.

БАБЬЕ ЛЕТО

Бабье лето в октябре – чудо чудное...
Бабье лето – никому не подсудное.
Сколько лет тебе, подруга?
Ах, не спрашивай!
Ни о чём таком меня не допрашивай.
Бабье лето – всплеск любви,
да всплеск нежности,
Словно зимней вопреки неизбежности.
09.10.2012 г.

РАДУГА

Между синевой и тьмью,
Между солнцем и дождём
Пролилась красивой тенью
Радуга цветным лучом.

ЛИРИЧЕСКОЕ

Лесных фиалок собираю
Маленький букет,
В мыслях я тебе пошлю
Нежный свой привет
Лепестки лесных цветов
Трепетно нежны,
А слова любви твоей
Очень мне нужны.

Очень, очень,
Очень мне важны...

Кленовых листьев собираю
Осенью букет,
С грустью я тебе пошлю
Нежный свой привет

Листья яркие меня
Обогреют пусть.
Осень, милая моя,
Разгони мне грусть.

Осень, осень,
Пусть разгонит грусть.

2012 г.

***

Рябины кровавые капли,
Собравшись в букет багровеют,
Увижу – и сердце царапнет,
Предзимнею стужей повеет.

Вдруг вспомню про возраст неожиданный,
С поухлой травой сравнимый.
Взгрустну. Но плакать не стану,
Горсть ягод рябины небрежно подкину.

2000-2001 гг.

СОБИРАЮ ГРИБЫ

*«Под мохнатыми лапами елей в лесу, как в шатре,
мне хочется плакать от благоговения».*

Из разговора.

А я, мой друг, в лесу не плачу,
Лишь вслушиваясь в тишину,
Внимательно ищу свою удачу,
И радуюсь по-детски, коль найду.

Он махонький такой, совсем не видно,
Листву «волшебной» палкой ворошу.
Вот вроде гриб, ан, – нет. Обидно!
И дальше, дальше в лес спешу.

Азарт. А взгляд помимо воли
Изловит ящерку, лягушку, паучка.
Куст костяники остановит поневоле,
Подарит ягод горсть, с горчинкою слегка.

Вот птица незнакомая вспорхнула,
Заставит вздрогнуть хрипловатый крик.
И показалось, дерево вздохнуло,
Заворожённая замру на миг.

– Ты гостя здесь, – лес говорит мне, – будь учтива.
Насупив брови, спросит: с чем иду?
И я пойму его! – Мне, горожанке, это диво,
Благоговей, с ним беседу поведу.

И я скажу – мне многого не надо,
Ты видишь – очень мал мой туюсок.
Позволь лишь подышать твоей прохладой,
Душою отдохнуть, хотя б часок.

И солнечным лучом сквозь ветви улыбнувшись,
Лес мне подарит ту желанную удачу,
Гриб под ногой найду, чуть не споткнувшись.
И засмеюсь от радости, а не заплачу.

2012 г.

ЦВЕТОК В ПЫЛИ

(сонет)

Валялся цветок в пыли,
Бесчувственной брошен рукою.
Десятки ног той тропею
Его лепестки мели.

Чей-то сочувственный взгляд
Упал на цветок печальный,
И словно бы так, случайно,
Рука подхватила друга наяд.

В хрустальном стакане стоит тот цветок,
Но всё-таки пыль сохранилась от ног.

2003 г.

***

Тяжёлый март уйдёт,
Апрель наступит,
Он – баловень весны,
Любовь разбудит.
Взлохматит волосы
И нежные сердца,
И радость в души
Вновь поселится.

24.03.2000 г.

НАСТРОЕНИЕ

(шуточка)

Таинственное Нечто
Томило душу мне,
Вопрос из вечных вечный:
Зачем ты на земле?
Страдало сердце болью,
А боли не понять.
Кардиомином, что ли
Попробовать унять?
Причём кардиомин тут?

Покрепче б что-нибудь...
Зачем живу на свете?
Тоска стесняет грудь.
Проклятье – трезвость норма
Взнуздала, как коня,
Ни спирту и ни водке
Не веселить меня.
Тогда влюбиться что ли,
Условности забыв?!
Душа стремится к воле,
Душе нужен прорыв!

***

Гениальная строчка явилась во сне
И... успешно исчезла с рассветом.
Если б силушка встать появилась во мне,
Быть бы мне о-о-о-громادным поэтом!

***

Ах, боже мой, Александр Сергеевич!
Сколько нынче словес возле Вас!
Меж строй поэтов, рифмой владеющих,
Едва ли пробьётся горячий Ваш глас.

Поклонники Вас юбилейными розами
Обложили, как бичи, непечатной лексикой.
Уж лучше б сказали презренною прозой,
Знают ли творчество Ваше. Всё было бы легче.

***

Ах, лень российская,
Лень русская,
Родная лень.
Такая мягкая,
С истомой.
В раздумьях вечных
Свой проводишь день,
Как Гончаровым
Созданный Обломов.

Сентябрь 1999 г.

БАСНЯ

В саду неухожен смородины куст,
Хозяин ленив был, возможно, и пуст.
Однако, когда начал куст созревать,
Ленивец пришёл-таки ягоду брать.
Но коль неухожен с весны этот куст,
Какой у смородины может быть вкус?!
Мелок, невзрачен ягоды плод,
Не лезет ленивцу-хозяину в рот.
В досаде на куст раздвинул он ветки
И вдруг, ах! Увидел плод очень редкий.
На веточке хрупкой висела одна
Крупная ягода, солнцем полна.
Словно с терпким вином бокал,
Чернотой отливали бока.
Среди мелких подруг – богатырша,
Как поэт из глубинки, слагающий вирши.
На неё любоваться бы только,
Чудо природы осмыслить толком!
Что же хозяин, что рот на неё раззявил?
Взял он ягоду в руки, послунявил,
Повертел, понюхал, поглядел,
И, не долго думая, конечно, съел.
Съел без вдохновенья, словно сдул,
Да под тем же кустом и уснул.

На иного тратить жалко поэзии слов,
Он и вкуса-то не чувствует чужих плодов.

Лето 1998 г.

СКАЗАЛ МУДРЕЦ ОДНАЖДЫ...

«Кто вечно весел, тот, конечно, глуп».
К весёлым я себя не причисляю
И уголки своих бесцветных губ
Всё ниже и всё ниже опускаю.

Но разве тот не глуп,
кто вечно морщит лоб?
Без меры, ежедневно, ежечасно.
И я смеюсь, вздымая брови, чтоб
Меня не звали хмурой понапрасну.

Так и живу: то плача, то смеясь.
То постарею, то вдруг молодею.
Воспринимаю жизнь такую, не стыдясь
И ни о чём при этом не жалею.

ИРОНИЧЕСКОЕ

Послав на север головой, на юг-восток,
На запад, верно, тоже!
Я стану, может быть, дружок,
Значительно моложе.
Учёный якобы открыл
Бессмертия секрет...
Но не один ведь не разбил
«Горячий камень» лет?!
А потому я сплю, как сплю –
На Север головой,
И над строкой сижусь, корплю,
Рецепт мой жизни вот такой.

1998 г.

**КОЕ-ЧТО ИЗ ГЕОМЕТРИИ
в жизни актеров**

Она была трагической актрисой,
Он же водевильный был актёр,
И в семье прямою биссектрисой
Поселились ссоры, холод, вздор.

В основанье шаткой той фигуры –
Два младенца: сын и дочь,
И без хрупкой этой «арматуры»,
Разлетелись катеты бы прочь.

Всё давно, как в сложной теореме,
Не хватает знаний разгадать,
Но летит убийственное время,
Успевают годы лишь считать.

Дождь сбивает с яблонь белых нежность,
Ветер рвёт черёмух лепестки,
Катится слепая неизбежность
В пропасть чёрную досады и тоски.

Разрубила их на мелочь биссектриса,
Страшная, жестокая, как вор,
Она была трагической актрисой,
Он же водевильный был актёр.

17 мая 1982 г.

***

На последние деньги
покупаю себе мороженое,
И плевала я на проблемы,
съедаю его, смакуя.
Кабы не финансовые пробелы,
Купила бы себе ещё сок из маракуя.
Ах, какая это прелесть!.. Наверное.
Проглотив последний снежный комочек,
Сомневаюсь, – поступила верно ли?
Лучше бы полбуханки хлеба
Купила чадам и домочадцам.
Но, в конце концов, мороженое съедено,
Стоит ли огорчаться?!
Однако червяк угрызений совести
Уже гложет душу:
До чего ж я эгоистка!
Не придумать хуже!
Купила бы лучше луку,
Глядишь, всё в дело,
Сварила всем кастрюлю супа,
А то, ишь, пошиковать захотела!
Нет, нет! Эгоистка и только!
Убивать таких надо сразу,
А желание жить на широкую ногу
Вытравливать из себя, как заразу.
Совсем загрустила я
В собственном несовершенстве,
Чуть-чуть не поддалась
Тоске-кручине стихийной,
Да вовремя вспомнила:
Пригрезилось мне
Мороженое блаженство.
Потому, наверное,
Чтоб родились эти дурацкие стихи.

Октябрь 1999 г.

О ТИПИЧНОМ

Типичное всюду, типичное с нами:
Типичный портрет в типичнейшей раме,
Типичны пальто с меховым капюшоном,
Типичны настолько, что просто смешно нам.
Типичные девушки строят всем глазки,
Типичны политиков умные сказки.
Типичные сводки с войны режут уши...
Уж где там найти нетипичную душу!

16 ноября 1999 г.

ОПЯТЬ ВОЙНА, ОПЯТЬ НАМ В БОЙ...

Ох, папа, папа, знал бы ты –
Война та не закончилась,
И снова гибнут братья и сыны
От пуль фашистской сволочи.

Опять нам в бой и победить,
Срубив Горгоне голову,
И Русь святую возродить...

Октябрь 2022 г.

В ЧЕТЫРЕ СТРОЧКИ

«Не обойти Вам бездну быта!» –
Рекла святая Лизавета,
И словно бы ярмо надето
На шею было мне навек.

***

Да живёт ли во мне поэт?!
Или блажь вдохновения точит,
Или сердце усталое просит
Сочинить хоть какой-то куплет?

17.10.2017 г.

***

Ох, как старость надоела,
Как тягучий долгий сплин.
Эх, встряхнуть бы это тело
И проснуться молодым.

***

К чему же ты, моя печаль,
Вселенская ты что ли,
Что я могу о всех рыдать –
Свободных и в неволе?!

Октябрь-ноябрь 2017 г.

ОН ЛЮБИТ СВОЮ СОБАКУ...

Он любит свою собаку,
Нежно целует в нос,
И после прогулки всякой
Расчёсывает ей хвост.

Её он лелеет и нежит,
Подыскивает друзей.
Без этой овчарки он не жил бы...
Не любит лишь он людей.

16.12.1997 г.

РАЗГОВОР НАЕДИНЕ С СОБОЙ

Не терзай своё сердце гордыней,
Ты не лучшая, нет, из людей.
Свой характер объезди отныне,
Как объезживают лошадей.
Уж пора бы узду набросить
На чрезмерную к жизни страсть,
Вон как близко дыхание осени:
Холод, слякоть – пора бы припасть...
Голос едкий: «Взгляни в мир, зараза,
Словно вдруг протрезвевшая пьянь,
Твои слёзы не станут алмазами,
Сколько их за других не роняй.
И противная жаба, с угрозою
Кем-то брошенная на грудь,
Не сорвётся с груди алой розою
Это в сказках лишь, не забудь.
Успокой своё сердце обыденным,
Ни добром и ни злом, а так...
Отыщи равновесие в выеденной
Скорлупе, и живи, как простак.
Долго-долго, без дум и сомнений,
Без осуды людской пустоты,
Без провалов и вдохновенья –
Двести лет будешь здравствовать ты...»
Только снова гордыня вздымает
Свой крутой, необъезженный нрав,
И узду ломает, кромсает,
Рвёт зубами, что зубы скрипят.
Нет! Хочу я прожить свой короткий,
Свой недолгий, свой крохотный век,
Ощущая всю боль, все страданья,
Радость жизни и страсть, и желанья,
Мысли взлёт и разочарованье –
Всё, что может вместить Человек.

Август 1981 г.

ПАРОДИЯ НА СЕБЯ

Не терзай своё сердце стихами,
Нет, не станешь ты, милка, поэтом.
Лучше б ты мало-мальски писала
Кой-какие заметки в газету.
На писательский пыл, пожалуйста,
Ты накинь золотую уздечку.
Стиснув зубы, чтоб челюсть дрожала,
Лучше выброси рукопись в печку.
Собери драгоценные слёзы
В кошелёк, иль побольше пакетик,
Закатись в ресторан, дорогая,
Или с юга пришли всем приветик.
Помашаи загорелой рукою,
Окати жар сердечный водицей
И живи себе долго и вечно,
Тыщу лет – назло твари,
Что в мире плодится.

Сентябрь 1981 г.

САРКАСТИЧЕСКОЕ

Меня среди вас нет, поэты.
Я – ломовая лошадь Муз.
И при раздаче комплиментов,
Я, как всегда, в сторонке жмусь.

Жмусь не из гордости, от страха,
Что мой талант ничтожно мал,
Что голову свою на плаху
Нести бы надо. Не на пьедестал.

И удивляюсь вам, поэты,
Как вы доверчивы к словам:
Кто раздаёт вам комплименты,
Порой не верит в них и сам.

2011-2012 гг.

ХУДЕЮЩАЯ
(почти Гаргантюа...)

Если б брюхо не стонало
И не ныла бы кишка,
Я тогда бы ела мало
И не весила лишка.
– Не гневи напрасно брюхо, –
Сердце голос подаёт, –
Это дерзостное ухо
Всем покою не даёт.
Всё-то слышит, что не надо,
Не вселяет оптимизм –
Было б ухо жизни радо
Не толстел бы организм.
– Что же ухо виновато? –
Тихо шелестит душа, –
А сама-то жизни рада?
Глаз слезится неспеша.
Хм, рассорились мгновенно
Члены тела моего,
Все орут самозабвенно...
Право, съем пойду чего!

***

Как правило, по пятницам
Болела голова,
Болела также... задница
(Простите за слова!)

Страдало тело бренное,
Кривил морщиной рот,
Без сил валялась, бедная.
Посмотришь – так урод.

Как будто бы не старая
И нет причин хворать,
А вот лежала вялая,
Что в пору умирать.

Зато по понедельникам,
Пословицу презрев,
Легко шагала женщина,
Не женщина, а Лев!

1995 г.

ИЗ ЦИКЛА «ПОСВЯЩЕНИЯ»

СОКУРСНИЦЕ (Л.Е.)

Высшая истина есть пустота,
Галактическая безвозмездность,
Снисходительная простота
И лица надменного бледность.

МГУ, 1968-1969 гг.

Л.А. ЧЕРНЫШОВОЙ

Ищи золотишки радости
В сером шлаке быта,
Тысячью слёз их вымой –
Станет счастливый слиток.

Глянет с твоей ладони
Эта капелька солнца,
Жизнью нещедрой подарена, –
Пробуй, выпей до донца.

Словно горячее пламя
Кровь твою растопит.
Пусть благодарная память
Чувства эти запомнит.

Февраль 1982 г.

Г.Г. КОПЬЁВОЙ

Вам дано от природы
Разумное, вечное сеять.
В классах или в музее
Не скрыть педагога породу.
Кафедра Ваша сегодня –
История города в лицах.
Прошлое здесь хранится
И настоящее приходит.
Жизнь поколений – не вечность,
Завтра историей станет.
Вам же хранить досталось
Труд, доброту и сердечность.

***

Благодарю судьбу за то, что есть Татьяна,
За чай её с обильем пирогов,
За широту души, что дарит постоянно
Нам дружбу тёплую и красоту стихов.
Благодарю судьбу за дар её бесценный,
Талант сердечный, чистый, как родник,
В котором отражается мгновенно
Вся жизни суть, её неповторимый миг.

*10 июня 2002 г.**В.Г.*

К Вам, наверное, сегодня не пробиться,
Я поздравлю Вас по телефону,
Пожелаю Вам я хорошо трудиться,
И любви счастливой чаши полной.
Пожелаю Вам здоровья полной меры
И удачи, чтобы улыбалась.
А ещё, чтоб в суете безмерной,
Сердце Ваше человеческим оставалось.

ВЕРЕ ГЛЕБОВНЕ

Ваше имя княжеское явно,
Что-то древнее в нём, словно Русь,
В нём сокрыта прекрасная тайна,
Разгадать её не берусь.
Но одно лишь я знаю точно –
Верой жив российский народ,
Не поставлена в жизни точка,
Если вера вперёд зовёт.
Глеб – заступник земли российской,
(Был коварно убит врагом),
Православный народ и мирский
Память чтит о нём дорогом.
Вера Глебовна – как красиво,
Звучно, словно песнь гусяра.
Хороша, молода, не спесива,
Все невзгоды, что были вчера
Пусть уйдут, не задев сильно сердце,
Веры луч пусть Вам путь озарит,
Глеб же силу придаст, как в детстве
Он вам жизнь саму подарил.
Вере не положено грустить
И унывать ей не положено,
Вере – верить, Вере – долго жить
Именем таким возложено.

1999 г.

ДРОБЬ ДОЖДЯ

З.В. ВОЛКОВОЙ В ЮБИЛЕЙНЫЙ ГОД

Дробь дождя.
Сентябрь на исходе,
Яблоки, упавшие в саду,
Время лить дождям,
Быть непогоде,
Время подводить
Итог труду.
Житницы и погреба
Все полны,
Есть, чем голод
Утолить зимой.
Веселись, душа,
Забудь все скорби,
Ешь и пей,
и песни пой.
В закрома души
Заглянем тоже,
Будем знать, что
Там – не пустота,
Где храниться все
Богатства должны:
Милосердие, любовь и доброта.
Коль в сохранности
Тот чистый, светлый угол,
Слава Богу! –
Жизнь не напрасною была.
Пусть за окном бушует вьюга,
Дождёмся вместе мы
весеннего тепла!

2018 г.

М.Т.Г.

Своей Вы радости плеснули мне
 Стаканчик или чарочку хрустальную:
 Сказав, как журавли танцуют по весне,
 И открываются глазам просторы дальние.

Полюбовалась я на тот «сосуд»,
 Красив он. Но уж очень хрупок.
 Боюсь, не выдержит моих он рук,
 В житейской прозе таких грубых.

Сосуд отставлен. И опять та грусть,
 Что гложет сердце постоянно
 Займёт меня. Но всё же обернусь не раз
 На тот сосуд – такой он дивно-странный.

2002 г.

ЕЛЕНЕ ЮРГЕНСОН

Каждый день быть сильной
 По силам? – По силам!
 Единая во многих лицах:
 Воительница, и Плакальщица,
 И Консуэло, и Странница –
 Всё образы это духовной страницы.
 Но главное... Главное – Берегиня.
 Береги Вас Бог и детей ваших!

***

Подарю Вам розы – старинной дружбы знак.
 Зря сетуете, что нет
 любви в помине.
 А кто пришёл же к Вам
 на именины?! –
 все те, кто признаются Вам в любви.

2011 г. (юбилей Е.А. Юргенсон)

Л.А.МИХЛЯЕВОЙ В ДЕНЬ ЮБИЛЕЯ

Ах, Лариса Аркадьевна!
Вам ли тужить?! –
Юность Вам дана от природы.
В Ваших силах газете служить и служить
Еще многие-многие годы.
Дорогой мой редактор!
Не Вам унывать.
Это на Вас совсем не похоже.
Вам в любви признаётся газетная рать,
Я, и даже случайный прохожий!

2000 г.

ТАТЬЯНЕ М.

Коль Вас Всевышний «чмокнул в уши»
И Пушкин руку протянул,
Пел под гитару Стас Шалухин,
А Роберт Паль слегка боднул.
То нет у Вас иной дороги,
Чем та, которая ведёт
На гору Творчества. Немногим
Бог в уши шепчет, бард поёт.

СКАЗ О КРАЮШКЕ ХЛЕБА

Михаилу Ильичу Ковину посвящается

Раньше, чем солнышко, встал пастушок,
В руке кнутовище, в другой – посошок.
Неважно, что мал, зато посвистом крут.
Коров погоняет и щёлкает кнут.
Но главная радость (вот ведь дела!) –
Маманька Мишутке краюшку дала.
Хлеб настоящий, аж, слюнки текут,
И весело ходит мальчишеский кнут.
Брат старший – надежда его и опора,
Стадо пасти научил его скоро.
Мальчишка то свищет, а то, глянь, поёт.
Даром краюшку свою не жуёт.
Так вот: то с песней, а где со слезами, –
Мальчишка и рос помощником маме.
Почти без отца. Ну, а брат-то он тут.
Показал тот однажды, как лапти плетут.
В руках у Мишутки уже ремесло.
Справил лапти себе, и в село
Начал заказы кой-кому выполнять.
Доволен старший, довольна и мать.
Краюшку свою недаром жуёт,
Жизнь нелегка, но вперёд всё ж идёт.
Голод и холод, военные годы
Достались мальчишке, как всем, те невзгоды.
А старший (вот умница, право!) вперёд
Младшего брата по жизни ведёт.
Сапоги научил он тачать Михаила,
Годится здесь дратва, годится и мыло.
Краюшку свою заработал, чтоб сам,
А есть уж, конечно, с семьёй пополам.
Сапоги шьёт парнишка, ну, правоте, лоск!
И вот уже едут с братом в Свердловск.
Мать отпускает в ФЗО их учиться,

Без денег, без хлеба – тут должна голова пригодиться...
Форму выдали, кирзовые ботинки,
Глядят друг на друга, – словно с картинки!
Да только недолгой радость была –
Стащили ботинки у младшего – все и дела.
Досыта хлебушка тоже не ели,
А так уставали, что до постели
Едва успевали кой-как доползти.
Какая учёба уж тут, Бог, прости!
Сколько ж подранков военной поры
Голодными стаями заполняли дворы!
Ангел ли спас Михаила, иль брат, –
Не научился чужое он брать.
Зато научился слесарить, в машинах стал спец.
А значит – в завод, на работу, учёбе конец.
Не просто в завод, а в сам «Уралмаш»,
С руками не даром парнишка-то наш!
Хоть мал, да удал, и глядит, что да как.
И стал он в профессии скоро мастак.
Но бледен и худ, вот ведь, право же, горе!
Даёт профсоюз тут путёвку на море.
С директором пришлось жить в палате одной.
Смутился вначале, конфуз-то какой!
Однако ж директор был свой, в общем, брат,
Не то, что нынешний демократ.
Кормил Михаила: ешь, парень, ешь,
Закроем с тобой пищевую мы брешь.
То фрукты подкупит, второе отдаст,
Шутливо прищурит внимательный глаз.
Во славу соседу и всем поварам
Весу набрал парень, аж, килограмм!
Глядишь, веселее стало трудиться.
К тому же задумал снова учиться...
Знаний гранит пастушок грыз не зря,
И вот уже тесно ему в слесарях.
Конструктором стал, и толковым к тому же.
Талант оказался его стране нужен.

Занимался попутно общественным делом.
И вскоре начальником стал он отдела.
...Легко обо всём нам строчить на бумаге,
В жизни было трудней: рытвины да овраги
Встречались частенько ему на пути,
Не то, что пройти – не пе-ре-ползти!
Но всё-таки шёл он вперёд и вперёд:
Счастливых надежда за руку ведёт.
Надеялся он, что «выбьется в люди»,
И хлеб свой всегда зарабатывать будет.
Как многих, забота о сущем вела...
Но в душе его с детства песня жила.
Неясный мотив прорывался словами,
Нежностью к брату, жалостью к маме,
Речью восторженной к любимой,
К сыну, к семье, к внучке родимой,
Слезой благодарной краюшке насущной,
Той, что лежала в сумке пастушьей.
Стал наш Ильич понимать с полуслова
Тех, в чьей душе тоже песня готова.
Каждого стал он искать, как старатель,
Поэтического объединения наш председатель.
Ну так и чем завершить этот сказ?
Дольше живите, радуйте нас.
Пусть исполнится песней мелодия детства.
Двухтомную книгу готовьте в наследство!

Июль 2012 г.

***

Стежок за стежком узор вышиваю,
Дыру чёрную чёрным стежком зашиваю.
Медленно, медленно швы ложатся,
Глаза в двух очках уж давно слезятся.
Примитивизм – искусство отчаяния –
Открылось мне это нечаянно.
А художник уже канул в вечность,
Не успел закрасить чёрную дыру
Ах, беспечность!

26.10.2012 г.

***

Я открываю новую страницу,
А нового в том ничего и нет.
И не нова уж сказочная птица,
Не нов уже сам белый свет.
Он стар и дряхл, как долгожитель древний.
Добро и зло: легенда или быль.
Сидит старик в заброшенной деревне,
А молодой нахал взбивает пыль.
На джипе, по просёлочной дороге
Наглец несётся мимо старика,
Как сердце старого коробит,
Лишь говорит дрожащая рука.

2012 г.

Т.Г. МАНЯКИНОЙ

Ах, Вам не нравятся дежурные цветы?!
Ни к празднику и ни ко дню рожденья?!
А как насчёт люпинов Вы,
В пионах розовых, как оперенья?
Ну, так и быть, подарим Вам
Ромашек скромненький букет
С травой сорной пополам –
Сердечный трепетный привет.

Надеюсь, шуткою друзей
Мы ваших чувств не оскорбим.
Неловкой выходкой своей
Признаться Вам в любви летим!

2005 г.

ЧЛЕНАМ ЛИТОБЪЕДИНЕНИЯ

Я вас лелею и жалею,
Как будто курочка птенцов,
По средам самоварчик грею,
А жду от вас я лишь стихов.

1997 г.

«СЛОВА ПОЭТА – СУТЬ ЕГО ДЕЛА».

А.С.Пушкин

МОЛОДЫМ ЧЛЕНАМ ЛИТЕРАТУРНОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ

Суть дела нашего – слова.
Не славословье и не словоблудье,
Пусть не кружится ваша голова
От этих сочленений смутных.

Чтоб слово стало афоризмом,
Как строки Пушкина сейчас,
Не пожалейте своей жизни,
Штурмуя, смело свой Парнас.

Слова делами полновесны –
Ищите свой тернистый путь.
Тогда, быть может, стать известным
Сподобится кому-нибудь.

2010-2013 гг.

ЭПИГРАММЫ,
ДРУЖЕСКИЕ ШАРЖИ И ПАРОДИИ

М. Ковину

Ах, нежный стихотворный пьедестал
Вы создаёте. Вам бы крылышки Орфея!
Да вот беда – чиновник Вас забрал.
Какого чёрта он Вам сел на шею?!

2006 г.

Л.Г.

Оригиналка! Жизнь по кругу:
Собачки, куклы, гороскопы.
Нет разницы, чем удивить округу –
Стихами или... толстой попой.

1999 г.

А.Т.

Найдёт она любой товар,
Преподнесёт его искусно.
Товар и песня и словесный дар.
Но вот причём же здесь искусство?!

2006 г.

А. Кравченко

Бурлит потоком водопада
И в драку рвётся, словно зверь.
Остановить бы его надо,
Да нет желающих теперь.
Порой он многих раздражает,
Порой смешит – готов всех бить,
Но в общем целом помогает,
Чинушу «трэба» где притормозить.

1998 г.

И.В. Селиванову

Ай да Селиванов! Ай да... мамкин сын!
Книжками своими всем утёр носы.
Он не лыком шитый, ёжкин кот,
Коль про свою музу складно так поёт...
Раньше Муза-дура стонала у ворот,
Крепким мужским словом давал ей укорот.
А она, бедняжка, валялась возле ног,
Он же с нею делал всё, что только мог...
Как человек порядочный он «женат» на ней,
Сочиняет стансы вот уж много дней.
Но иной раз вырвется крепкое словцо –
Тут уж и покажется русское лицо.

2010 г.

ВМЕСТО РЕЦЕНЗИИ

Т. Манякиной

Осторожная искренность в ваших стихах
Вместе с тихой гордою кротостью.
Не блуждаете мыслью шершавой впотьмах,
Балансируя чувством над пропастью.
Складно всё и спокойно-размеренно,
Стих, как речка лесная, течёт.
Как в прохладу тенистого дерева,
Он читателей ваших влечёт.
Но своё сокровенное, главное,
Не спешите открыть Вы нам.
Разве только диковинкой травною
Вы доверите тайну корням.

30.04.1999 г.

---

3. Волковой

Пророчица (астрологиня всё же!)
Лев-женщина – чего же боле?!
Судьба дана Вам Божьей волей
И слеплена своею волей тоже.
Свою звезду Вы знаете, наверно,
Коль так встречаете невзгоды смело
И слёзы прячете умело
В кругу друзей, надеюсь, верных.
Пусть не иссякнут красота и сила,
Пусть будет дней побольше светлых,
Слог – лёгким, а строка – заветной,
Жизнь долгой и, конечно, не унылой.

22 августа 1998 г.

БЕНЕФИС

Н.С. Фоминой

На сцене – Сваха разбитная,
Вдруг – Королева, Баба хитрая с метлой.
«Звучит музыка полковая»,
Гремят фанфары Фоминой.

Ах, бенефис! – Сиянье света,
Мельканье лиц, каскад речей.
Актриса заслужила это
Ролями и судьбой своей.

30.11.1998 г.

Н. Тузову

Твоё рождение отметим,
Творец рифмованной строки.
Хотя давно уж мы не дети,
Скучать нам вроде не с руки.

Так полыхнём шутливой речью
За чашкой чая с пирогом.
А председатель наш картечью
Словесной вдарит, словно молотком.

И не беда, коль смысл в угоду
Мы рифме дерзкой отдаём,
Ведь рифма делает погоду
В том смысле, что тебе прочтём.

Талант твой, право, всем на диво:
Охотник бравый и поэт,
Зайчонка подстрелишь красиво,
Жена наделает котлет.

Но нет, не застрелить Вам зайца:
Душа художника не даст,
Не тронете его и пальцем,
Возьмёте кисть иль карандаш.

Не убегай, зайчонок белый.
Пока рисует кисть его,
Ты можешь быть отважно-смелым
И не бояться ничего.

Декабрь 2005 г.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАРОДИИ**Ко дню рождения литературного объединения**

Мне бы синь небес, журавлиный крик
И с берёзкой-сестрой повидаться,
Я беру перо... Но в тот самый миг
Вдруг звонок. Ну куда от тебя деваться,
Рифмоплётное наше братство.

Т. Манякина

***

Вакханка. По полю иду
И в кровь истёрты уже ноги,
Но слышу вдруг я
То ли вопли, то ли ноты,
И в круг прохладный захожу,
То ль литераторов, иль бомжей.
Как хорошо, мой правый боже,
Я здесь хоть ноги остужу.

Е. Юргенсон

***

Ильич наш сел. Раскрыл талмуд
И сразу – тишина.
Смекаю я – заснут иль не заснут?
Но слышен шёпот, как волна.

И время замерло на миг,
Стал невидимкой наш кружок,
Лишь я, безмолвный ученик,
Держу под партой «кукишок».

И. Селиванов

***

Зачем сюда ходить мне надо,
Чего я тут, скажите, потерял?
Шестнадцать книг, стихов, рассказов
Я как-никак уж написал.

И я, конечно же, не сразу
Известным в Нефтекамске стал,
Но, я считаю, раз от разу
Я вас, друзья, достойно представлял.

Теперь имею я награды,
За многотомный честный труд.
Сложилось в жизни всё как надо.
Вот думаю: причём объединенье тут?

А. Бельтюков

***

Зонтик пылится в шкафу,
Зонту я скажу: «Фу-фу-фу!»
В руках его подержу
И обратно его положу.
На улице дождика нет,
На улице падает снег.
Но в дождик и в снег всё равно
Объединения светит окно.
И хоть помещения нет,
Я вижу в окне его свет.

Р. Сафиуллина

***

Спой, цыган, мне жестокий романс,
Про стихи и про наши встречи,
И в новый, двенадцатый год, как было уже не раз,
Пусть Надя с Ольгой зажгут нам свечи.

А цыган и поэт – это воля,
Всё дороги, пыль да туман.
Жить под небом, видать, наша доля.
Хочешь жить, так броди по дворам.

Н. Тузов

***

Накрывшись шалью, шла отважно,
Когда метели надо мною вились,
Вокруг снега лежали, страшно
Собаки рядом там крутились.

От слёз вся мокрая, не поздно, к месту,
Расправив шаль, дошла на встречу,
Без лавров – в мир поэзии и к свету,
Послушать жизни светлой речи.

З. Муканяева

***

Не нам ли сделать наш кружочек раем,
Наполнив искрой счастья неземного,
Не помнить зла, не ведая иного,
Окутать всех любовью, добротой.

Н. Димитричук

***

В небе солнышко блестит,
Тень под кустиком лежит,
Наш Ильич давно не спит,
По делам уже спешит.
Вдруг с забора воробьишка,
Попрыгунчик и воришка,
Прочирикал Ильичу:
«Эй, Ильич, я есть хочу.
Посмотри в своей кошёлке,
Носишь ты её уж долго,
Может, завалилась крошка,

Покорми меня немножко».
А Ильич ему так строго:
«Воробей, меня не трогай,
Эта сумка историческая,
Содержанье в ней лирическое.
Для тебя в ней нет ни крошки,
Попадёшься в лапы кошке,
Вот тогда узнаешь сам
Цену крошкам и стихам».

А. Семёнычев

Зловредный сочинитель

Галина Завьялова 2011

(встреча 2012 года).

***

Кота целую прямо в нос
От скуки, нежности, досады,
Что не гулять уж мне по саду
Из тонких слов, из пышных роз.
Комедиант, фигляр, насмешник
Трагизмом чувств меня сразил
А «Гамлет» строго спросил:
«Не ты ль транжиры дней приспешник?»
Приспешник, иль сообщник краж
Часов у дней, дней у недель,
И мысли все заиндевели,
В душе циничный лишь кураж.
Не быть, не быть – ответ уж точен,
Не быть творцом, не та стезя.
И равнодушьем кровотоцит
Судьба моя. Течёт слеза.

20.09.2012 г.

*(после вечера Валерия Гаркалина
на канале «Культура».*

*Читал стихи Б.Ахмадуллиной,
Н.Гумилёва, У.Шекспира)*

ЦЫГАНСКАЯ СТРАСТЬ

Нам не понять в диванной тиши,
В кругу семейства и забот,
Как кто-то вены себе рвёт,
А кто-то нож заносит выше.
Непостижима эта страсть –
Любви и ненависти помесь,
Греха Адама – Евы повесть,
И чувств безудержная власть.
Любовь – тревога и отрада,
Любовь – каминное тепло.
А страсть?! То капля яда –
В стакан, наполненный вином.

*2011 г. (после просмотра
документального фильма о цыганке,
совершившей преступление из-за любви).*

СТИХОТВОРЕНИЕ

С-тихо-творение
в с-толпо-творении
не появляется, нет.
Стихотворение,
Как озарение,
как пробуждение
Столпотвореньи
являет Поэт.
Алла Демидова
Стихотворением
Интеллигентно
Будит толпу.
Смехов с Эльдаром
Тоже недаром
Стихоударом –
В глаз и по лбу.

Лбы каменеют,
Души черствеют,
Стихотворением
Трудно пробить.
В нынешнем веке
Мессии явлению
Видно, не быть,
Видно, не быть.

14.10.2011

ДОРОГА К ХРАМУ

В ЦЕРКВИ

Свеча заплакала воском,
Поставлена была за упокой,
Крест у лба повис в воздухе –
Торопливой осенён рукой.
Уже не в церкви витали мысли,
А в суете рабочего утра,
В ликах святых грезилась укоризна,
И взгляд Создателя был грустно-мудрым.

***

Мы ходим с непокрытой головой,
Мы молимся бессвязно и несмело,
Как будто нет нам никакого дела,
Что происходит с нашею душой.

***

Кто мы – викинги или скифы?
Может, варвары чужих миров,
Иль мифические сизифы
С наказанием от богов?!

***

Бродит собака бездомная,
Бомж у помойки жуёт сосиску.
Какая тоска бездонная
От этой картинки российской.

Утром ты пьёшь кофе с сыром,
Волнуют тебя мировые проблемы,
А бомж с другом серым
Позавтракал тут же
И счастлив без меры.

2001-2010 гг.

КРЕСТ

Нелёгкий крест судьбы моей
Ты дан мне Богом,
Чтобы искала много дней
Терпения дорогу.

И, наконец, пошла по ней,
В кровь ноги исколов,
За руки спутниц взяв своих –
Надежду и Любовь.

Чтобы в назначенный мне срок,
Вступить в храм Веры на порог.

1998-2010 гг.

МУЖУ

(февраль, 9-е число, 2017 года, четверг)

«Любимый, я пришла домой,
ух, замёрзла. Мороз сегодня – 28 градусов».

Я грею руки о батарею,
а ты мне сочувственно улыбаешься...

«Нам с тобой сегодня три года...

Три года, как мы повенчаны,
помнишь тот день?»

...и ты мне задумчиво и грустно улыбаешься...

«Исповедалась я вчера у отца Георгия,
который нас венчал, помнишь?

А причастил меня сегодня Владыка»

...и ты мне широко улыбаешься...

«Народу в Храме было немного.

Жаль. По-настоящему православных мало,

К тому же холодно, да и рабочий день.

А я рада, что побывала на службе,

Мне там было легко думать о тебе»

... и ты мне смущённо улыбаешься...

«А вчера вечером звонила Дашутка,
Внучка, та, что с тобой на одну букву –
Дедушка – Даша».

...и ты мне озорно улыбаешься...

«А Маша-внучка рисует открытки к 23 февраля –
Дедушке и папе. Она нашла свой старый рисунок,
на котором вся наша семья. А тебя она изобразила
самого высокого роста. Объясняет – это же Дедушка!»

...и ты мне весело и горделиво улыбаешься...

«Антон уехал на вахту в Астрахань, работают без выходных.

А у Ани не очень хорошее настроение, возможно что-то со здоровьем...».

...ты мне чуть пугливо, печально улыбаешься...

«Друзья... звонят..., родственники тоже. Василий Андреевич съездил
в Талицу»

...и ты мне радостно улыбаешься...

«Обо всём не расскажешь. Много накопилось. Никита скучает по тебе, у Катюшки, представляешь, появилась татуировка...

...ты мне озабоченно улыбаешься...

Ну, вот, руки согрелись, батареи горячие. Пора мне готовить обед, скоро девчонки придут, Аня с Машей.

Поздравляю с венчанием, дорогой мой. Вот купила для нас с тобой цветы. Хризантемы».

Я ставлю веточку в вазу, подхожу к тебе и целую...

...и ты мне красиво, радостно, широко и лучезарно улыбаешься...

...С ПОРТРЕТА С чёрной лентой...

***

Тело брэнное соперничает с духом,
 Ох, не хочется ему движенья,
 А душа, истерзанная мукой,
 А душа – та жаждет обновленья.
 Спорят так не первый лет десяток:
 Бесшабашная куда-то ввысь стремится,
 Телу ж нужен сладенький порядок
 Да закутаться в привычек плащаницу.
 Между ними человек страдает,
 Не находит он себе покоя:
 То он тих, как будто что-то знает,
 То бежит, как опалённый зноём.

Март 2004 г.

***

Справляю поминки по справедливости,
 Роняю слезинки в платочек батистовый,
 Сочувствия жду и желаю неистово
 Вернуть свою тихую, добрую пристань.

Но нет уж дороги в надёжное прошлое
 И веры ворота уже скособочены,
 Поправить их некому, никому не оплачена
 Ненужная, мелкая эта работа.

1980 г.

***

Я себе разонравилась вовсе,
Словно «Сомет»ом чищу в душе,
Жить бы надо спокойней и проще,
Да вот поздно учиться уже.

Бессонная ночь 30 марта 2000 г.

***

Бесконечный вяжу носок,
Нет ему ни конца, ни края.
Спицы чуть подают голосок,
Мыслей нить далеко убегает.

Январь 2000 г.

***

Придти и лечь в холодную постель,
Кинжальной предавая боли,
Замкнуться в четырёх стенах неволи
И погрузиться в мыслей карусель.
Не вижу здесь вины ничьей,
И в строчках этих не несущая упрёка,
Душою просто одинока
При множестве вокруг людей.

(Дописано 6 марта 2000 г.)

***

Что ты в этом поймёшь?
И поймёшь ли вообще,
Ведь чужая душа – потёмки.
Так живи, как живёшь,
А в своей судьбе
Предоставь разобраться потомкам.

21.11.1999 г.

СОН-ПРЕДСКАЗАНИЕ

И в городе большом я где-то потеряюсь,
Останешься стоять в растерянности ты:
То ли идти назад, в прошедшем растворяясь,
То ли бежать вперёд за призраком мечты.
Ноябрь 1999 г.

***

Померкла, поникла, почти умерла.
На сердце, в душе, как следы Тамерлана.
И звон в колокольне разграбленной церкви.
На тонких руках полонянки цепи.

Жи-ви-и... и жизни будь рада:
Цыганка вещает по имени Рада.
Свобода дается свободным. И только.
А рвется материя там, где тонко.

***

Как долог путь к себе,
Иду так долго.
Себя не вижу в суете
До срока.
Уж срок подходит,
А я всё
«толку водичку»,
И жить умею только так –
По привычке.
Она нам свыше ведь дана –
Поэт пророчил,
И день за днём – меж рук вода,
А дни без строчек.
Без строчек. Без любви. И вот без дела.
В глаза Судьбе гляжу почти...
Почти что смело.

Смеюсь над ней и над собой,
Как параноик,
Туман весь путь к себе застил.
Ах, блеклый стоик!
А между строк читать тебя
Я не неволю,
Как дважды два уж ясно всё –
Учили в школе.

2005-2011 гг.

***

Сидят по тюрьмам Сашки, Пети,
Сидит лихая голытьба,
А в нищете растут их дети,
Их ставит в очередь судьба.

***

Не очень щедрою рукой
Младенцу с матерью кидали
Монетки. На лоскутном одеяле
Они казались слёзами печали.

***

Я трачу себя без меры,
Живу каждый день на износ,
О, Господи, дай мне веру,
Чтоб встретить конец свой без слёз.

***

С последним вздохом
Отлетает Душа,
Забрав этот вздох с собою,
Как-будто в небе
Земным дышать
Намерена. И с судьбою
Еще не прервавши связь,
Каплю за каплей вздох тот смакует...
Возможно, что так, в небесах растворясь,
Душа о земле тоскует.

Лето 2019 г.

***

Душа одинокая стонет
В людском безвоздушном пространстве
И голос слабеющий тонет
В бичующих звуках оваций.
Ну что вы? Ну что вы? За что вы?
Помоями ваших похвал
С усмешкой облить готовы
И этим убить наповал.
Не надо, прошу вас, не надо.
А впрочем, кого просить.
У Бога молю я награду:
И вас и меня простить.

Ноябрь 2001 г.

И БУДЕТ НОВЫЙ ВЕК...

Стремительнее бег,
И даже человек,
Быть может, новым будет.
Но нам не увидеть,
Ведь нам не подождать –
Наш век ушёл, уйдём и мы
И растворимся будто...

А через сотни лет
В созвездии планет
Уж новый человек
Средь незнакомых буден
Вдруг поразит тебя
Движением бровей,
Улыбкою своей,
Привычкою моей
Вот также шмыгать

носом.

Дружище дорогой,
Потомок милый мой!
Увидев профиль свой,
Воспряну духом.
И пусть пройдут года,
Останусь навсегда
И буду жить, творить,
Как будто дома,
В созвездии планет
И через сотни лет.
Средь будней незнакомых.

2012-2013 гг.

ДОЧЕРИ

Девочка моя, ты стала взрослая
И растёт сынок уж у тебя.
Поднялась, как с утренними росами
Заалела яркая заря.
Кажется, совсем недавно бегала
Озорным, капризным стригунком.
От тебя старалась отвести все беды я...
Ну, а ты летела мотыльком
Не на свет, в огонь. Опаливши крылья – не могучие...
Мне свою беду ты принесла
И она крапивой жгучею
Болью в моём сердце проросла...

1998 г.

СКАЗЫ БАБУШКИ ГАЛИ
(внукам посвящается)

КОТЁНОК

Он пришёл в этот мир котёнком,
Лупоглазым, ушастым, серым.
И считал с наивною верой,
Что мир создан для доброты.
Он искал свою маму по свету,
Приставал ко всем прохожим.
И в глазах, что на звёзды похожи,
Был вопрос: «Мама, где ты?»
Он был мужественным котёнком:
Не пищал, не стонал, не плакал.
Поджимал под себя лишь лапки,
Когда холодно было им.

Вдруг котёнок увидел мальчишка:
Шапка набок, пальто нараспашку.
Был сердит на сестрёнку Наташку.
И мечтал: «Погоди, отомстим!».
А котёнок к нему с вопросом:
«Ты не знаешь, моя где мама?
Я её уж заждался прямо,
Отыскать мне её помоги!».
А мальчишка зол на Наташку!
Ох, некстати, некстати они сейчас
Беззащитного котика звёздочки глаз.
– Мяу-у, маму найти помоги, –
Но летит пушистый комок от ноги...
Слишком хрупким котёнок был,
От удара он на земле застыл,
Последнее «мяу» лишь прокричал,
Словно б маму на помощь позвал.

Он пришёл в этот мир котёнком,
Лупоглазым, ушастым, серым.
И прожил с наивною верой,
Что мир создан для доброты.

ШАФРАНОВАЯ ОСЕНЬ

Внуку Никите

Шафрановый газон – оранжевое с красным,
«Шар золотой» венчает красоту,
Подсолнух головой в короне жёлтой, царской
Кивает всем прохожим, глядя в высоту.

Шафрановая кошка – трёхцветная с рыжиной,
В цветах клубком свернулась, на солнце греет бок
И лишь прохожих сверлит упругий, как пружина,
Её красивый светлый шафрановый глазок.

Шафрановый малыш – в пыльце цветочной носик,
Вдыхает аромат оранжевой среды,
Мнёт в пальчиках листок зелёный, жилки в просинь,
В оранжевом пространстве – неловкие следы.

Шафрановый газон – привет последний лета –
Осколок солнца брошен с высоты.
В тоскливый день как бы окошко светит
Усталой путнице из темноты.

Осень 1997 г.

В ПАРКЕ С НИКИТОЙ

Давай походим, пошуршим мы листьями,
В осеннем парке много их опять,
Шестой десяток лет мне перелистывать,
Тебе исполнилось, мой внучек, только пять.
Идём-бредём задумчиво с тобой,
Листву согласным шагом вороша.
Мне слышится в ней шорох лет глухой,
Тебе же – бабочек уснувшая душа.

Осень 2001 г.

КАТЕРИНКЕ

Катеринка, Катеринка,
Ножки – ниточки, былинки.
Волосёнки – пух, и только.
Но попробуй тронь, кто только,
Кулачишком в носик – плюх,
И получишь оплеух.

Февраль 2004 г.

ЕКАТЕРИНЕ

В тебе, я знаю, есть талант
И, верю я, что он проснётся,
Всем лучезарно улыбнётся,
И станет моя Катерина сверкать.
Но, правда, для этого надо... не спать.
07.03.2017 г.

ДАШУТКЕ

На сцене я тебя лишь вижу,
Моя любимая «танцулька».
И так волнуюсь, в такт волнуюсь,
Как будто я сама танцую.
Ты словно яркий мотылёк,
Другие кажутся неловки,
А ты с цветка и на цветок,
Как крылышком,
Порхаешь ножкой.
Октябрь 2012 г.

ВНУЧКЕ МАШЕ

Внучка Машенька. Мария –
Тебе дано святое имя.
У Богородицы учись,
щедрой будь и не ленись.
БЛАГО дари родным и близким отныне,
Не подведи святое ИМЯ!
Июль 2022 г.

ПЕРВЫЕ ШАГИ

Человек, спотыкаясь, идёт
В жёлтой курточке,
В шапке с помпоном,
А трава идти не даёт,
Мелкие камушки и
Другие препоны.

Он насупил бровки сурово,
Тянет ножку
Вопреки притяжению...
Первый год человеку идёт.
Каждый шаг для него
Достижение.

Осень 2017 г.

***

Внуки – радость моя и забота,
Внуки – жизнь моя в будущем словно бы,
Смело шагайте с Верой и Богом,
Продолжая свою родословную.

Октябрь 2022 г.

ИЗ БЛОКНотов

4 июня 1979 г. Мыслец – название полустанка. Интересно, происходит ли оно от слова «мысль» или это производное от двух слов «мыс» и «лес». Возможно, последняя буква -ц- появилась в результате диалектного произношения слова «лес», который здесь растянулся на многие километры. В этой местности живут чувашаи.

Сколько странных и в то же время звучных названий на Руси! Проезжаешь поездом мимо таких незаметных полустанков со звучными именами и только диву даёшься: Княжиха, Пилига, Велетьма

***

...Тошно и муторно становится на душе, когда встречаешься с человеческой подлостью. Так муторно, будто сама совершила что-то подлое. Жить, не доверяя людям, невозможно. Но как ещё много подонков, играющих на самом святом и незамутнённом чувстве – доверчивости.

Женщина, зашедшая в купе, просит разменять ей крупную купюру. Идёшь навстречу, а в результате – тебя облапошили на 50 рублей. Что чувствует после такого мошенничества женщина? Вероятно, очень довольна, раз лицо её сияет, когда она спрыгивает с подножки вагона, а поезд трогается. И это самое страшное. Ты встретила с мертвецом, у которого умерло всё человеческое, осталась лишь оболочка в виде смазливой физиономии, располагающей к доверию. От такой встречи холодеет всё внутри, и начинаешь подозревать в каждом человеке нечестные намерения. Не жаль этих денег, их можно было бы отдать той же женщине, если б у неё голодали дети, и она попросила оказать помощь. Но выманенные обманым путём, эти деньги вызывают в душе нестерпимое сожаление и протест против всего нечестного.

18 июня 1979 г. Встретилась в поезде попутчица. Весьма интересный типу-с. Злая, то есть озлобленная. (Расстались врагами – прим. 2010 г.)

Сентябрь 1979 г. Прежде всего, хочу сказать не от имени всей нашей профсоюзной организации, а от себя. Михаилу Павловичу я обязана многим: 14 лет назад я впервые пришла в редакцию газеты «Красное знамя». И, если любовью своей к литературе, я обязана учи-

---

телю литературы второй школы Тамаре Анатольевне Ярославовой, то путёвку в журналистику, считаю, дал мне Михаил Павлович Новиков. Первая заметка, первый гонорар, первая зарплата и первая трудовая книжка. Затем рекомендация в вуз и первая практика в газете и затем первый рабочий день после окончания университета. Всё это связано с редакцией газеты «Красное знамя» и её редактором.

Редактор мне давал рекомендацию в Союз журналистов и рекомендацию в партию... Я очень рада, что именно мне нынче предоставлена честь поздравить Вас, Михаил Павлович, с юбилеем от имени всей профсоюзной организации и с удовольствием от всей души – от себя. (прим. М.П. исполнилось 60 лет, вскоре после этого пришёл другой редактор и безоблачная жизнь закончилась).

Октябрь 1979 г. набросок рассказа (начало). Один – заголовок.

В первый же день, как Алексей Новичков вышел на работу в отдел писем редакции районной газеты, к нему пришёл интересный посетитель. Человек в возрасте с орденской планкой на груди, он был явно взволнован и даже встревожен, и, садясь на стул напротив Алексея, как-то уж слишком внимательно вглядывался в его лицо.

«На ловца и зверь бежит», – внутренне ликовал молодой выпускник, придав своей курносой физиономии самое серьёзное выражение, на какое был способен в тот момент. Ему очень хотелось начать свою журналистскую карьеру с острого критического материала, такой бомбочки, которая потрясёт все обывательские сердца, всколыхнёт редакционный коллектив творческим соперничеством, а ему, Алексею Новичкову, принесёт заслуженную славу, и сделает его имя сразу заметным на газетной полосе...

ПРИ ЗВУКАХ МОРСКОГО ШУМА

Пришёл на берег моря самоуверенный субъект, злой Гений, который считал, что совершенней создания, чем он, никого нет. Море тихое, ласковое, волны слегка набегают на прибрежный песок. «Что ты по сравнению со мной, море, – усмехнулся злой Гений, – конечно, ты безбрежное, но стоит мне только захотеть, и я осушу тебя». Волна слегка набежала на его ботинки. «Вот ты уже и трусишь, – громко засмеялся самолюб, – и готово лизать мои ноги». «Дурачок», – ласково усмехнулось Море, а набежавший ветерок слегка приподнял волну, и

она насмешливо окатила злого Гения с ног до головы. «Но, но, ты не очень...», – нахмурился злой Гений, и, стряхивая с себя морскую воду, пошёл прочь с берега. «Ах, какой смешной, – подумало Море и, слегка успокоясь, смыло следы «гения» с песка.

Зов чаек так пронзительно печален,
Цвет моря бирюзовый, светлый.
И будь ты трижды гениален,
Перед морской волной ты только смертный.

***

Грустные спящие ели,
Покрытые снежной простынкой,
Берёза свечкой застыла,
Пушистый снежок летит
Почему я бегу от веселья?
Потому я бегу от веселья,
Потому я бегу от веселья,
Что душа от веселья болит.

*20 декабря 2009 г.,
профилакторий «Хазино»*

ЛУННЫЙ СВЕТ

Луна... Не спится. Глаз не оторвать от светлого окна. И вижу детство...

...Старый дом затих, все спят, а ты сидишь на подоконнике полуотворённого окна, прислонившись затылком к косяку, обхватив руками поджатые колени, и смотришь на залитый лунным светом двор. Он такой загадочный от призрачного света и резких теней! И тихий. Но тишина как будто живая, словно затаила дыхание и слушает. У ног твоих раскрытая книга, ты только что читала её при лунном свете, но ночь настолько прекрасна и полна ожидания, что никакая книга не заменит её созерцания. И ты будто сливаешься с ней воедино, с этой загадочной ночью. Воздух тёплый и одновременно свежий: дыхание нагретой за день земли и прохладного неба. И в нём – букет ароматов, что дышишь – не надышишься. Конец весны, начало лета.

И возраст уже не детский и ещё не взрослый. И томишься ожиданием чуда, счастья. И мечтаешь. Пытаешься заглянуть в будущее, веришь, знаешь, что там всё прекрасно, насыщенно, интересно, и торопишь это будущее.

Ночь-обманщица поддерживает твои иллюзии, а сердце готово выскочить от ликующей радости, щедрости, доброты, всеохватности всего живого и живущего. И любишь, всем сердцем любишь; не знаешь кого, не знаешь что, но грудь распирает от этого чувства.

Слегка поворачиваешь голову в кажущуюся тёмной после полного лунного свечения комнату. Видишь светлые отражения окон на домотканых половичках, лунные блики скользят по одеялам спящих родных людей, и блаженно, и снисходительно-радостно улыбаешься над их сном, над тем, что они, усталые чудачки, не видят эту лунную, божественную ночь. А ты готова сидеть на подоконнике и час, и два, и грезить, и мечтать, и счастливо улыбаться. Лишь мамин сонный, чуть ворчливый голос заставляет лечь в свою постель. Вытягиваешь с удовольствием ноги, закидываешь руки за голову и ещё смотришь в светлое окно, и думаешь, до тех пор, пока сами собой не смежаются веки.

Счастливая пора ожиданий, предчувствий, счастливое время, когда не думаешь о дне прожитом, но только подгоняешь день грядущий. Тогда всё казалось только прелюдией...

...А сейчас, глядя в окно бессонными глазами на такую же лунную, но только зимнюю ночь, ясно и грустно понимаешь, что то – была самая яркая мелодия в симфонии жизни.

МИНИ-БИКИНИ

Или три ха-ха-ха

(слабое подражание Андрею Платонову)

Измученная секретарша в мини-юбке, измученная мужем, детьми и жизнью вообще, сидела за своим служебным столом в приёмной и в отсутствии начальства яростно вгрызалась в свежую книжку «Литературной учёбы». Мимо сновали люди, некоторые здоровались с секретаршей, и она, подняв незрячий взгляд от замысловатой статьи про систему и атмосферу личностных сказов Лескова, механически улыбалась, отвечая на заданный вопрос, и снова падала в журнал.

Глаза впитывали строчки с жадностью людоеда, попробовавшего

первый раз незнакомую пищу. Было желание понять, на что это похоже. Дети, муж и жизнь вообще не давали секретарше сосредоточиться и понять, зачем ей нужна замысловатая статья, с чем её едят и куда девать впоследствии. По этой причине в области грудной клетки секретарши, где-то в районе солнечного сплетения, рождалось очень осязаемое чувство остервенения. С этим остервенением она дочитала статью до последней точки, перевела дыхание и стала вспоминать, что прочитала в первых строках.

Её мучил вопрос: как научиться писать, чтобы рассказать миру про свою жизнь, про мужа, детей и несбывшуюся мечту? Но, проглотив и другие умные статьи в «Литературной учёбе», она ответа на свой терзающий вопрос не получила. Тяжёлый рюкзак жизненного багажа, поставленный было у красивых ног, не был развязан, а снова взгромождён на спину, и измученная секретарша продолжала нести его, сидя за своим служебным столом.

Окно её кабинетика выходило на козырёк парадного крыльца. На козырьке, закрывая окно, висел большой лозунг, повернутый к миру яркой красной материей и крупными призывными буквами. Окну и секретарше предоставлялось лицезреть его тыльную сторону: из грубой фанеры, неотёсанных реек и железной арматуры, поддерживающей плакат. А потому вид из окна был унылый, как выражение лица одного известного армянского киноактёра. Щербатая крыша да фанера с торчащими ржавыми гвоздями создавали интерьер запущенного складского помещения.

Единственно живым в этом интерьере был дождик, прыгающий под окном по маленькой луже, образованной в ложбине битумной крыши, и производящий в этой лужице такие же пузыри, какие пускает на губах своих балующийся ребёнок.

Секретарша, подойдя к окну, долго и бессмысленно смотрела в пузырящийся дождик, а потом из её глаз от продолжительного глядения на мокрую погоду, потекли крупные слёзы.

В воздухе носилось чьё-то подленькое хихиканье.

8 сентября 1981 г.

ПЕРЕЛОМ

В этот солнечный субботний день решили перекрыть крышу у высокого крыльца, давно уж она протекала в дождь, да всё как-то было недосуг подновить её, а тут собрались. Дед, хозяин большого семейства, с утра за столом выпил стакана два браги по случаю приезда младшего сына, который гостил уже третий день, и тоже захотел подняться вместе с сыновьями на полуразрушенную крышу, чтобы самому лично всё проконтролировать и каждому дать свой «распоряд». И как ни отговаривала его жена, которую называл он «бабушкой», от этой затеи, как ни убеждала его, чтобы он не мешал сыновьям сделать без него эту работу, дед не послушал её и на крышу под ухмылки и подначивания сыновей всё-таки взгромоздился. Поднявшись и строго всех оглядев, старый потребовал дать ему молоток и гвозди, начал уж было командовать сыновьями, да вот беда, ступил неверной ногой на сгнившую доску и полетел вниз под отчаянные вопли своей «бабушки» и визг молодых снох, вышедших во двор понаблюдать за работой да отправить подальше от дома не в меру расшалившихся ребятишек. Сыновья не успели и глазом моргнуть, как расхрабрившийся старый отец уже лежал недвижимый на земле, возле ступенек крыльца, весь сразу какой-то посеревший. Жена его опомнилась первой, бросилась к старику, запричитала, перемежая охания ругательными словами, приникла ухом к щуплой груди мужа, послушала живой ли, и затрясла, затормошила его. Через минуту-две дед открыл глаза и, увидев склонённые над собой головы испуганных родных людей, как-то странно улыбнулся. Эта полупьяная, глупая улыбка убедила старуху в том, что «окаянный» жив, и в то же время окончательно вывела её из равновесия.

– Господи, господи! – сказала она с надрывной силой. – Согрешила я, грешная, с этим идолом проклятым! Да поднимайте же вы его скорей, – на той же причитающей ноте прикрикнула она на подоспевших и чего-то мешкающих сыновей. – Всю середку отбил ведь, наверное, дьявол!

Старика начали поднимать, осторожно взяв под руки, но он неожиданно вскрикнул от резкой боли, и тут сыновья увидели, что правая его рука выше кисти была неестественно выгнута, а ноги не хотели двигаться. Тогда старший, коренастый и сильный Фёдор, взял

отца, как младенца, на руки и понёс в прохладные сени, а младший, длинноногий Виталий, побежал на «пожарку», где стоял единственный на всю деревню телефон, чтобы позвонить в город за помощью.

«Скорая» приехала быстро, тут было недалеко, деревушка почти примыкала к новеньким девятиэтажкам, а точнее сказать - это новенький город наступал на старую деревню. Врач, женщина молодая и яркая, после вопросов о том, что случилось, осмотрела старика и, наклонясь близко, чтобы послушать его фонендоскопом, учуяла сивушный запах. Лицо её стало строгим, и она сказала почему-то громко, как глухому: «Пить не надо было, дедушка, старый ведь уже, а пьёте».

Замечание красивой женщины в белом халате, пахнущей духами, а не лекарствами, о том, что он старый, почему-то сильно огорчило старика, он заёрзал на жёсткой кровати, но врач легонько попридержала его рукой и также строго приказала: «Лежите, лежите!». Сыновья, стоявшие тут же кружком, застеснялись того, что врач обнаружила отца подвыпившим, и стали почти хором объяснять, что вот, мол, приехал гость издалека, которого давно не видели в родительском доме, ну и на радостях дед немного принял, а так он человек непьющий и вполне положительный. Врач ничего на это не ответила, только ещё строже сдвинула брови, убрала в чемоданчик свои приборы, и сухо бросила, ни к кому конкретно не обращаясь: «Придётся везти в больницу, надо наложить гипс на руку и сделать УЗИ внутренних органов».

Все сразу засуетились. Младший, сильно огорчившийся из-за этой истории, косвенно виноватым в которой он почему-то посчитал себя, пошёл провожать к машине доктора, взяв у неё чемоданчик, и стараясь быть галантным, на ходу извинялся за нетрезвый вид больного. «Бабушка» зачем-то побежала в избу, похоже, за чистой рубашкой для мужа. Снохи громко давали никчёмные советы мужьям, как ловчее взять старика, чтобы не причинить лишней боли. Старший и средний, отмахиваясь от них, как от мух, отодвигали кровать, чтобы аккуратненько приподнять отца с двух сторон и понести его к машине, уже нетерпеливо подающей сигналы. Сам же старик, до сих пор лежавший на койке в каком-то оцепенении и казавшийся очень плохим, вдруг заявил решительно, далеко не слабым голосом: «Не поеду в больницу!» И, видя, что сыновья не собираются отступить от своего намерения, смешно заорал не своим голосом: «Бабушка, отними

меня от них!»

– Не поеду я в больницу, – сказал он подоспевшей на крик бабушке сразу ослабевшим и капризным голосом, как жалующийся на своих обидчиков маленький ребёнок. – Лучше дома помирать буду.

И старик вдруг заплакал пьяными слезами. Бабушку слёзы мужа тронули, и она, уже не сердясь, а по-доброму стала убеждать поехать его в больницу: «Надо ведь, дедушко, надо. Руку-то в гипс уложат, да может, Христос даст, да и выпустят». «Бабушка», «дедушка» – так называли они друг друга уже много лет, с тех пор как появились внуки, а пока росли дети, обычным их обращением было: «мать» и «отец». Имена же свои они не то, что бы забыли за сорок с лишним лет совместной жизни, но вспоминали разве что в разговоре с посторонним человеком.

Прибежал младший сын, врач уже торопила и сердилась. Со стариком разговаривать не стали, взяли с двух сторон на руки и понесли к воротам, открытым настежь.

***

В больницу старика не положили: внутренности были, как будто в порядке. Один бок и ноги, правда, оказались в синяках, и надо было бы понаблюдать за состоянием организма немолодого уж человека. Но, видя такое упорное нежелание старика оставаться на больничной койке, врач в приёмном покое согласился, наложив на руку гипс, отпустить беспокойного пациента домой, предупредив сыновей привозить отца на перевязку и на регулярный осмотр. Впрочем, в стационаре и мест не было.

И вот теперь он лежит на веранде, в подушках, забинтованная рука на привязи и в гипсе болит, доставляя старику страдания, ноют бока и ноги, но он не показывает виду, не стонет, не охает, чем, обычно шумливый и беспокойный, удивляет родных. И вообще с того злосчастного дня он как бы изменился. Посерьёзnel, похудел и в основном молчит. Здоровой рукой старик держит перед собой книжку, но глаза в очках скользят по строчкам рассеянно. На веранде светло, солнце пятнами отражается на дешёвом коврикe возле кровати, заглядывает в самый дальний угол, где висят зимние вещи, фуфайки и детские шубейки, задёрнутые занавеской. В доме шумят внуки, ссорятся, кричат, их унимают снохи, шлёпают и высылают во двор по-

играть или «заняться делом».

Сыновья обшили свежими досками крышу крыльца и принялись подновлять сруб колодца. Тоже шумят, обсуждая, как ловчее спроворить эту работу. Будь старик здоров, сам бы шумел громче всех, снабжая свою речь крепкими словечками. Так уж повелось в этом доме, ни одна работа без шума не обходилась, впрочем, шумели больше для порядка, без злобы. Но сейчас старик лежит на веранде тихий, никому не видимый, рассеянно прислушивается к громким разговорам во дворе, скользя глазами по строчкам в книжке, и при этом шевелит губами, как бы про себя проговаривая слова.

Изредка на веранду заходит жена, его «бабушка», спрашивает сочувственно: «Пооди, чего-нибудь надо, так скажи, дедушко». Старик отрицательно качает головой, не отрывая глаз от книжки. Он уже давно почти ни с кем не разговаривает, и старушка, женщина сердобольная, мимоходом подоткнув сползающее одеяло, и, уходя с веранды, еле слышно шепчет: «Маётся-то как, господи».

А старик думает. Даже когда лежит с закрытыми глазами и кажется, что дремлет, он думает. Думает и ночью, когда тишина опускается на шумный дом, и слышно лишь как кошки лезят по чердаку. Он лежит без сна, глядя в широкое окно на мордастую луну, и мысли медленно ворочаются в его голове. За всю его немаленькую жизнь – это его первая серьёзная неподвижность, если не считать двух-трёхдневных болезней, когда он ещё не старый валялся в лихорадке простуженным, из-за того, что попадал в половодье в ледяную воду. Во всяком случае, он не помнит, когда ему так вот приходилось лежать, почти не вставая и в полном сознании. Не было для этого у него времени. Такое непривычное состояние заставляет старика сосредотачиваться на чём-то очень серьёзном, а на чём именно, он и сам не знает.

Обрывочные мысли и воспоминания никак не сложатся в цельную картину, и это не даёт старику покоя. Он думает о себе молодом, когда учился на курсах трактористов в Ростове. И его, приехавшего из Башкирии «шибко влюбчивого парня», чуть не женила на себе черноглазая еврейка Ася. Он хотя и был хромоног, но чем-то тронул сердце кудрявой девушки. А он, ранний, уже был тогда женат на своей «бабушке» и даже имел ребёнка – старшего Федьку, который недавно носил его на руках, словно маленького. Как он, сообразив, к чему дело клонится, и что его хотят второй раз женить (мама у Аси была жен-

щиной насколько приветливой, настолько и решительной), испугался этого, и позорно сбежал, не попрощавшись с красивой еврейкой. Ася, ничего не зная об его семейном положении, приходила на вокзал искать своего кавалера, и он, трусливо подглядывавший из-за угла ларька, а потом и из окна теплушки, видел, как она плакала. Вспомнив этот эпизод своей жизни, старый человек, лежащий недвижно на кровати, даже хмыкнул и, почувствовал что-то вроде прилива крови к щекам.

То вдруг он увидит себя лежащим на полу голопузым пацаном в короткой рубашонке с вывихнутой ногой (упал с печи), шлепки и крики мачехи. Впрочем, эта картинка из детства знакома старику только по рассказам своей бабки Авдотьи, сам он того в силу своего малого возраста запомнить не мог. А вот его, мальчишку лет девяти-десяти, крепко стискивает в объятьях одной здоровой рукой умирающий отец, у которого парализован правый бок и отнялся язык. У отца бежит по щеке слеза, а бабка Авдотья, сгорбившаяся на лавке рядом, тихонько, чтобы не слышала мачеха, причитает: «Ванятка, ты Ванятка, сиротинушка горький, как будем жить, помират отец-от!». Как, чего-то испугавшись, то ли непонятной жалости бабки, то ли косых взглядов мачехи, Ванятка высвобождается из-под руки отца, и, сильно хромя, убегает в огород за амбары, ревет в голос и при этом зло хлещет прутком ни в чём неповинную крапиву. Похоже, уже тогда он понял, что его жизнь будет отличаться от сверстников, у которых и ноги в порядке, и мамка с тятькой живые-здоровые. Эта злость после, в отрочестве и юности, прорвется каким-то бесшабашным озорством, граничащим с хулиганством.

Старик с трудом поворачивается на бок, это воспоминание тяжело давит на сердце. Во дворе тихо, все ушли обедать, слышно, как на кухне позвякивают ложки, как разговаривают, смеются, опять шумят. Будто и нет отца, мелькает обидчивая мысль у старика, и он берётся опять за книжку. Книжка про войну, какие-то фронтовые мемуары, довольно хвастливые кажутся старику, и он постепенно забывается в дрёме.

Были в судьбе старика и свои военные годы, несколько месяцев он, мобилизованный, побыл в обозе, отвечая за доставку провианта, но на фронт не попал, не взяли его из-за дефекта ноги. Отправили в тыл, сказав, что будешь там за всех начальником. Было ему горь-

ко и обидно, и он не раз заходил в военкомат, и просился хотя бы в обслуживающие войска, технику он знал хорошо. Но вместо фронта его назначили главным механиком МТС, и он стал мотаться целыми сутками в поисках запасных частей, ездил в разные районы, а потом по деревням, помогая ремонтировать бабам-трактористкам непосильную для них изношенную технику. И ночевал у этих же трактористок, порой утихомировая изголодавшееся по мужской ласке тело. Вдов становилось с каждым днём войны всё больше, и ночевал он в те поры у многих, а каждая думала, что только у неё одной. Но когда выяснялся этот обман (деревни слухами быстро полнятся), и доставалось же ему от бабонек, которые в сердечной ярости обижали его не только словом, а и, бывало, поколачивали. Всякий раз он бежал от них с удивительной для хромого резвостью, а вечером опять ублажал какую-нибудь из них. Он не считал это грехом, и не было у него ни к одной из них большой душевной привязанности, просто так получалось само собой. В ночь, за полночь, за тридцать-сорок километров от дома, по бездорожью, ни пешком, ни на лошадке не доберёшься, а потому приходилось ночевать. А уж ночью одинокая вдовая женщина и молодой, пусть и с дефектом мужчина всегда найдут общий язык. Впрочем, наглым он не был, и никогда не насильничал, не настаивал, и если другая была строга и не давала ему поводов надеяться на мягкую постель, так он и на лавке мог спокойно переночевать, поблагодарив на утро хозяйку за хлеб-соль, коль они были. По этой причине к нему относились, в общем-то, неплохо. А если и бивали, так это больше из озорства.

Домой он заезжал редко, раза два в неделю. Уставший, обессиленный. Иногда привозил провиант. Однажды директор МТС Василий Васильевич, рано пришедший с фронта калекой, целых десять килограммов муки выписал после того, как увидел, что его главный механик с лепёшек из лебеды целых полмесяца сходить по-большому не может и мается, аж, зелёный стал. В семье в тот раз был настоящий праздник. Но чаще он видел измученное лицо жены, голодные глазёнки ребятишек, ждущих, что привезёт тятка. У него уже было тогда три парня да две девки, все ещё не шибко велики. Выслушивал воркотню мачехи, которая исподтишка, чтобы не слышала сноха, стыдила его за ночёвки у разных баб и при этом кляла себя последними словами за то, что вырастила такого жеребца-пасынка, которому бог

не дал пойти на фронт, как остальным нормальным мужикам.

Жена его, вечная труженица, которую, ему казалось, он видел всегда беременной, ничего не говорила, но он понимал, что она всё знает. Ночью он виновато ласкал её, и наутро убежал из дома снова на сутки-двое-трое. Да и честно сказать, работа была собачья, техника никуда негодная, запасных частей нет, и как только не приходилось выкручиваться, чтобы всё-таки обеспечивать и посевную, и уборочную, и отдавать «всё для фронта, всё для победы».

Когда выросли ребяташки, старик и не заметил. Только раз, уже после войны, мужики, кто остался в живых, повозвращались в деревни, и он стал чаще бывать дома, увидел однажды, что средний пацанёнок Петька колет, как большой, дрова. А у старшего Федьки уже прорезаются усы. Девки стали прихорашиваться, да и последний сын Витька, которого он всё время видел голопузым, вытянулся и говорит ещё срывающимся, но уже басовитым голоском.

В наступившей мирной жизни его способности из «ничего» «поставить на ноги» технику как-то сами собой стали ненужными. В МТС пришли другие, грамотные люди, и ему со своими корочками тракториста не с руки стало работать главным механиком, да и сами эти маломощные станции вскоре были преобразованы.

Лишившись привычной работы и привычного суматошного ритма жизни, он стал пить, а, выпивши, каялся жене в своих грехах, которых, по его рассказам, выходило не так-то уж и много, и вообще их не было бы, если бы «не проклятый Гитлер».

Мать, как в ту пору стал он называть свою жену, молча выслушивала его пьяные откровения, лишь изредка бросая какую-то ироничную реплику, когда он уж слишком приукрашивал события. А чаще всего, жалея его, говорила: «Ступай-ка, отец, спать». Она относилась к нему, пожалуй, как к большому своему ребёнку, и он, чувствуя это, не особенно терзал себя угрызениями совести насчёт былой неверности (дело-то мужицкое), хотя и считал нужным рассказать всё.

Пьянствовал он недолго, здоровья на то не было, да и от людей неудобно.

Раз, очнувшись после очередной попойки, опохмеляться не стал, а решил завязать с этим делом раз и навсегда. Выпарился в бане, и пошел работать слесарем на водокачку, считался неплохим работником, и, когда пришла пора выходить на пенсию, здесь же его и остави-

ли ещё сторожем. Напиваться без причины он больше не напивался, но по праздникам и событиям не отказывал себе в этом удовольствии.

Старик ворочался на кровати, ворошил в памяти события своей жизни и какая-то одна мысль, очень въедливая и противная не давала ему покоя. Наконец, он сумел сложить её у себя в голове, и она явилась к нему в виде вопросов: «А зачем это всё было? Кому я нужен? Кто меня любит?». Особенно сверлило вот это: кто меня любит? Вот жену его, Анастасию (вспомнил он вдруг имя своей «бабушки»), ту любят и внуки, и дети, и со снохами она живёт дружно, и сыновья за неё стоят горой, попробуй только скажи теперь обидное слово. Но кто любит его, старика?

Это найденное слово «любить» странноватым показалось самому старику, он его никогда не употреблял в своей жизни, никому и никогда не говаривал: ни той черноглазой еврейке Асе, которая ему всё-таки «шибко глянулась», ни бабам, у которых ночевал в военное лихолетье. Никогда не говорил он этого слова и своей терпеливой жене. Как-то не принято это было, спали – да, рожали детей, «робили», то есть, работали вместе, а чтобы любить? Что это такое? Он не знал. Вот начальник его по МТС Василий Васильевич, говорят, здорово любил свою жену Людмилу, подарки ей всякие дарил. Один раз, было это незадолго перед окончанием войны, пригласил он его, тогдашнего главного механика, вместе с супругой «попить чайку» по случаю дня рождения своей ненаглядной Людмилы Дмитриевны. Это был единственный раз, когда они вместе сходили в гости, а потому и запомнился этот случай. «Бабушка» его волновалась, как никогда, перетрясая свои нехитрые наряды, и, наконец, отыскала скромненькую сатиновую, ещё девическую кофточку, в которую и принарядилась. За общим столом муж-начальник подарил имениннице цветастый кашемировый полушалок. Где он его отыскал? Тогда ещё старик заметил, какой грустный взгляд, бросила его Анастасия на этот полушалок. Он ещё подумал, что надо бы купить ей такой же при случае. Но не до подарков было в то время, а после и вовсе всё забылось. Так что ни словами любви, ни подарками он свою бабушку не баловал.

Мысль про любовь пришла к нему в голову ночью, и он еле дождался утра, ворочаясь без сна и вздыхая.

Первой поднялась и зашла на веранду «бабушка», его Анастасия. Многолетняя привычка вставать с зарёй и в старости осталась

у женщины, хотя сейчас вроде как и не было такой большой необходимости, кой-какие дела можно было бы переложить и на невесток, но намучавшаяся за свою жизнь со свекровью – мачехой, Анастасия жалела снох. «Пусть поспят», – говаривала она на ворчанье мужа.

– Что, дедушко, рука-то ноет? – спросила бабушка, позёвывая спросонья

– Угу, – буркнул старик, а сам внимательно разглядывал жену, повязывавшую голову старым застиранным платком.

– Поди чего-нибудь вкусенького поесть хочешь, так я шаньги испеку, вчера с вечера квашню поставила. И, не дождавшись ответа, спросила ещё: «По нужде-то хочешь? Помочь поди-ка?»

– Сам, – также неразговорчиво буркнул старик и грустно опустил глаза. «Да за что ей любить меня? Терпит и то спасибо», – подумал он.

Старик не помнил, чтобы жена его тоже когда-то говорила ему это слово или хотя бы была ласкова с ним. Молодую он её помнит всё время беременной и хлопочущей, старую – тоже хлопочущей. Она ласкала детей, потом внуков, но его никогда, хотя была по характеру доброй, и не сказать, чтобы много сердилась, а если и ругала его, то только по случаю пьянки, да и то не зло, а скорее, для формы.

После бабушки заходили проснувшиеся снохи, каждая за чем-нибудь, на веранде хранилась почти вся домашняя утварь. Каждая вежливо справлялась о самочувствии (образованные!), и уходила довольно скоро. Заглядывали в дверь внуки, но их быстро шугали, и они, хохоча, убегали во двор, и уже оттуда доносились их звонкие голоса. Приходили покурить сыновья. И в каждом из них старик, казалось бы, что-то искал, и всякий раз грустно отводил глаза, не находя никакого ответа на свои мучающие вопросы. Казалось ему, что слишком спокойно осведомлялись все о его здоровье, и слишком спешили уйти, будто бы не желая мешать в его хворобе. А на самом деле, думал старик, не охота им посидеть, поговорить да посочувствовать.

– Вот умри сейчас, – крутились в голове вредные мысли, – похоронят честь честью и забудут, что был такой, епишкин-бог, старик, отец ихний, дед, муж, и памяти ни в чём от него не останется.

Какое-то ноющее, непривычное чувство шевельнулось в груди у старого человека от этой мысли, показалось даже – сердце зашлось. Он испугался незнакомому состоянию, никогда раньше он не ощущал своего сердца. Испугавшись незнакомому состоянию, старик заорал

что было силы: «Федька, Федька, поди сюда немедля!» Фёдор, прибежавший откуда-то из амбара, испуганно бросился к старику:

– Что, тятя, плохо?

– Да иди ты.., – в сердцах послал его отец непотребным словом.

– Ты че это, батя? – опешил Фёдор.

Старик помолчал немного и, успокоясь, вдруг сказал:

– Возьми у меня в пинжаке кошелёк, деньги там, сто рублей...

Сгоняй в город, в магазин...

– Выпить что ли захотел? – с усмешкой прищурился сын. – Так у меня есть.

Отец снова хотел было его послать подальше, но в момент передумал и, подозвав пальцем Фёдора поближе, тихонько, почти шёпотом произнёс:

– Купи матери полушалок, этот... кашемировый, кажись, такой... цветастый. Давно она говорила про него. Понял, нет? – чуть повысил голос старик. – Иди, – оттолкнул он от себя сына.

– Чего это сегодня с тобой? – улыбаясь во весь рот, спросил опять Фёдор, удивляясь необычной просьбе отца.

– Делай, что говорят, – строго сказал старик. – Да смотри, чтоб мать не знала. Сам... подарю.

Фёдор вышел, удивлённо качнув головой, озадаченный странной причудой отца, пошёл собираться в город, озорно подмигнув своей жене на её вопросительный взгляд, и таинственно прижал палец к губам.

– Только бы успел, – думал старик, прижимая здоровую руку к левой стороне груди и чувствуя бешеные удары сердца.

А в избе тихо разговаривали снохи, судили-рядили о том, что творится со старым свёкром: то молчит, то орёт, как взбалмошный. «Эти мужики вечно так, – заявила средняя Наталья, – чуть заболуют и уж пляши возле них.

– Да, – поддержала младшая интеллигентная Нина, – становятся капризными, как дети.

Только мать молча хлопотала у печки. Лишь добывая из горячего зева лист с ароматными шаньгами, быстро смахнула со щеки набежавшую как будто нечаянно слезу, чуть было не упавшую на духовитую выпечку.

СТИХОТВОРЕНИЕ В ПРОЗЕ

ПО ТРОТУАРУ

Какое удовольствие пройти по деревянному тротуару. Свежие и (вот диво!) даже струганные доски, аккуратно прилаженные друг к другу, настелены возле какой-то стройки в парке города. Они сияют чистотой под осенним дождём, а жёлтые листья деревьев, упавшие на них, ещё больше подчёркивают наивность деревянного настила. Среди насквозь заасфальтированного города этот тротуарчик кажется перевозданной диковинкой, и, ступив на него, ноги, будто сами приплясывают на его досочках, отливающих желтизной. Асфальт после живого тротуарчика кажется бездушным серым чиновником. Да и, кстати, лужи на нём превосходно держатся. А дощатый тротуар и под дождём остаётся лишь слегка влажным, как чисто вымытый пол в деревенской избе.

Прошлась по нему, и словно маленький праздник в душе.

РАЗДУМЬЯ

БРОШЕННЫЕ ДЕТИ

С экрана телевизора, с газетных и журнальных страниц смотрят на нас брошенные дети. Роддом, больница, потом дом ребёнка, детский дом... По такому сценарию живут оставленные родителями дети.

Что делать и кто виноват? Трудно дать ответ на этот вопрос. Но, возможно, стоит уже сегодня одинокой будущей маме оказывать помощь как психотерапевта, так и социального педагога. Чтобы заранее подготовить к тем трудностям, которые ожидают её с рождением ребёнка. А может быть, и семье, где готовы отказаться от ещё не родившегося младенца, нужна такая помощь. И особенно важны эти беседы специалистов, когда уже в роддоме женщина решается на такой страшный шаг.

Этот шаг сродни самоубийству, потому что женщина убивает в себе и материнское, и женское начало, свою душу, наконец. Лишь потом, расправившись со своей душой, она рожает, и ни о чём не задумываясь, бросает дитя. Души нет – и терять ей уже нечего.

Но у ребёнка ведь ещё есть отец, бабушки, дедушки, тётушки и другие родственники, близкие и дальние. А они-то как? У них тоже потеряны души, если позволяют заблудившейся матери бросить ребёнка на произвол судьбы?

Легче всего осудить родных и близких. И оставить ребёнка в его одинокой постельке. А может быть, стоит начать операцию «Поиск родных», и протянуть руку помощи родственникам ребёнка, чтобы они смогли увидеть в маленьком мальчике или девочке продолжение своего рода. Пригласить родственников, объяснить им права. Всегда надо начинать с прав. Они, родственники, имеют право взять в свою семью свою кровиночку. Этим они помогают, прежде всего, себе оставаться любящими и любимыми, быть сильными, здоровыми, уверенными в себе, богатыми и счастливыми людьми.

Может быть, и несчастной несостоявшейся маме объяснить ещё и ещё раз, в чём её истинное счастье. Возможно, кому-то покажутся слишком наивными такие меры. Но, поверьте, это реальная возможность не увеличивать количество брошенных детей, которых сегодня сотнями увозят за рубеж. Это возможность поднять престиж семьи, прочность родственных связей, реальной и конкретной помощью психологов, психотерапевтов и социальных педагогов. Пора уже разбираться по-настоящему, а не формально в каждой сложной судьбе. Поскольку быть богатой и процветающей России, зависит от судьбы наших, в том числе и брошенных, детей.

1985 г.

Книжка под названием «Калейдоскоп», в которую вошли стихи и проза, написанные в разные годы, по разным поводам и без повода, осевшие в блокнотах, тетрадках и на листочках, наверное, никогда бы не появилась, если бы не помощь коллег из редакции газеты «Красное знамя» и городской типографии.

Само название «Калейдоскоп» говорит о том, что, как в этой детской игрушке, картинки быстро меняются: то они яркие красочные, то они тёмные, большей частью ироничные, саркастичные, – всё как в жизни. Время не ждёт нас, и персонажи многих стихотворных строк уже ушли в мир иной. Но они – часть моей судьбы, а потому живы в моём творчестве.

Выражаю огромную благодарность в создании и выпуске этого сборника Людмиле Валерьяновне Сабитовой, Ромэну Рауфовичу Булатову, Ирине Борисовне Вострецовоу, инженеру по вёрстке Ризиде Назифовне Шамсиевой.

Благодарю также всех, кто оказал и оказывает мне помощь в тяжёлые минуты болезни и житейской ситуации: родным, близким, друзьям; дочери Анне, сыну Антону, сестре Тамаре и её мужу Тимуру, Татьяне Георгиевне и Василию Андреевичу Манякиным.

Сердечно благодарю и низко кланяюсь уважаемому двоюродному брату Юрию Васильевичу Кузнецову (г. Тюмень) и всей его семье за моральную и регулярную материальную помощь.

Бесконечно благодарна моим однокурсницам по факультету журналистики МГУ, дорогим подругам Ирине Комаловой (г. Москва), Светлане Янгуловой (г. Вильяэрмоса-Мексика), Тамаре Демченко и Ларисе Отырба (г. Москва) за дружескую поддержку и моментальный отклик на призыв о помощи. Спасибо вам, подруги!

Благодарю за долговременную юридическую помощь Веру Глебовну Шафикову и Альбину Наильевну Мальхину.

Благодарю за горячие молитвы о моём здоровье Наталью Михайловну Титову, Веру Михайловну Горшкову, Тамару Юрьевну и Владимира Сергеевича Жернаковых.

Благодарю БОГА за всех добрых людей, что окружают меня, продлевают жизнь и дают возможность заниматься творчеством.

С глубоким уважением и любовью ко всем

Галина Завьялова.

7 сентября 2022 г.

Отпечатано в Нефтекамском Доме печати –
филиале государственного унитарного предприятия
Издательский дом «Республика Башкортостан»
452688, Республика Башкортостан, г. Нефтекамск,
Березовское шоссе, 4А, тел. (34783) 7-07-57
E-mail: po@n-dp.ru
www.n-dp.ru